

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Россия в третьем эшелоне развития капитализма

Современное российское научное сообщество, как и общество в целом, находится в ситуации поиска своей идентичности. Надежды на возможность на равных войти в мировую науку путем механического копирования неоклассического (основного в настоящее время) течения экономической мысли не оправдались точно так же, как и упования на построение в России современного общества при помощи неоклассических экономических реформ. Контакты с российскими экономистами будут интересны нашим западным коллегам только тогда, когда мы сможем выйти на мировой "рынок" научных идей с собственными оригинальными научными идеями. Кроме того, следует учитывать, что в экономической науке Запада назревает поворот от неоклассики к идеям институционализма; и в таком случае экономисты России рискуют, заучив наконец неоклассический "экономикс", вновь оказаться ретроgrадами. Между тем именно в сфере исследования институциональных проблем хозяйственного развития российские экономисты имеют весьма сильный научный потенциал.

Поколения, воспитанные на изучении марксистской политэкономии, могут адаптироваться к институциональным и неинституциональным подходам с гораздо большим успехом, чем к неоклассике. Поэтому вместо того чтобы "отречься" от своего прошлого, российской экономической науке стоит поискать в ней то, что может быть ценным и в современной ситуации.

Экономика развития как раз и является тем участком современной мировой науки, который переживает бурный расцвет и вполне доступен по своей методологии и ценностным принципам для успешного приложения творческой энергии отечественных исследователей.

Таким образом, исследования по экономике развития не просто представляют большой интерес для развития как российской экономики, так и российского сообщества экономистов. Именно они могут вывести и экономистов, и страну из того тупика, в котором они находятся, став "светом в конце туннеля".

Несмотря на то, что изучение экономики развития и экономической компаративистики имеет высокую степень актуальности, оно пока развито в России в совершенно недостаточной степени.

Самое главное, что многие вопросы экономики развития рассматриваются по отдельности, игнорируется целостность проблем классификации и анализа эволюции экономических систем. В отечественной науке еще не сложились ни целостный понятийный аппарат, ни единая методология изучения таких проблем.

Таблица 1

Эшелоны развития мирового капитализма

"Эшелоны"	Страны	Особенности развития капитализма	Роль государства в экономике	Положение в мировой капиталистической системе
1-й (с XIV в.)	Западная Европа, Северная Америка	Длительное спонтанное развитие	Заметная	Главенствующее
2-й (к. XVIII - сер. XIX вв.)	Восточная Европа, Россия, Турция, Япония	Развитие "сжато", импульс развития идет как изнутри, так и извне	Значительная	Второстепенное
3-й (к. XIX — к. XX вв.)	Колониальная и зависимая "периферия" Азии и Африки	Неорганичность капиталистической эволюции, возникновение реакции отторжения	Доминирующая	Полностью зависимое (сырьевые при-датки)

Есть несколько институциональных концепций, при помощи которых можно попытаться понять логику и перспективы хозяйственного развития нашей страны. Наиболее известная из них – это концепция постиндустриального общества. Однако эта концепция позволяет улавливать только долгосрочные, многовековые тенденции эволюции. Для понимания закономерностей среднесрочного развития целесообразнее использовать иные концепции, одной из которых является *теория "эшелонов развития капитализма" А. Гершенкрона*¹ (табл. 1). Рассмотрим более подробно, как формировались эти "эшелоны" и какое место в них занимала Россия.

¹Hershenkron A. The Approach to European Industrialization: a Postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1962. P. 353-364. Одной из первых публикаций в нашей стране с изложением концепции эшелонов развития была книга: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783 – 1883 гг. М., 1986. С. 31 – 53.

1. Эшелоны развития капитализма

1.1 Первый эшелон, который давно ушел

Институциональные предпосылки рыночной экономики сложились далеко не сразу². Первоначальный очаг становления капитализма характеризовался медленным вызреванием необходимых предпосылок. В Западной Европе они складывались постепенно, начиная с XIV - XV вв. Остановимся на возникновении тех институтов, которые обеспечили источники роста – инновации в торговле, технологии и организации.

Важную роль сыграла **автономизация экономической жизни**. Децентрализация власти и ответственности стали необходимыми условиями экспериментирования, позволили преодолеть сопротивление инновациям. Именно рост независимости экономических агентов создал предпосылки для экономического роста. Сам же рост являлся в значительной мере продуктом непрерывных инноваций. Инновации осуществлялись через расширение торговли и открытие новых ресурсов, через сокращение издержек производства, через выпуск новых продуктов, через создание новых форм организаций и т.д. Эти инновации были бы невозможны без **развития и укрепления частной собственности**, которая позволила извлекать новаторам наибольшие доходы из их изобретений. Важно подчеркнуть разнообразие возникших организационных форм (типов и размеров фирм), а также разумное сочетание принципов иерархии и рынка.

Хотя технологические институциональные изменения являются в конечном счете главными детерминантами экономического и социального развития, однако не они сами по себе дали первоначальный толчок изменениям. Первоначальный импульс был связан с **расширением рынков в связи с ростом населения и развитием внутренней и внешней торговли**. Это привело к подъему купечества и устранению целого ряда феодальных ограничений личной свободы и частной собственности. Если сначала активность купечества росла параллельно с расцветом феодальной системы (XI — XIV вв.), то позднее именно она подрывала ее основы и развивалась уже в ущерб ей.

Расширение торговли повышало относительную свободу экономических агентов, постепенно подрывало основы произвольного вмешательства властей, типичного для феодализма. Внешняя торговля оказалась более свободной от регулирования правительств в отличие от внутренней. В разрушении традиционной "зарегулированности" индивида определенную роль сыграли развитие пиратства и широкая практика контрабанды. Они развивались на границах феодальных империй, а столкновение интересов государств препятствовало установлению полного контроля над морской торговлей.

Именно в этот период создаются институты, благоприятные для развития коммерции³. Они были подготовлены прежде всего **изменениями в системе права**. Широкий товароборот создал систему прецедентов по поводу таких важных для торговли явлений, как страховка, векселя, судовой фрахт, договоры о продаже, соглашения о товариществе, патентах и об арбитраже. Важно подчеркнуть, что параллельно с развитием коммерции происходило очищение закона от дискреционных, ритуальных, религиозных примесей. Впервые создавался закон, "надежный как машина". В Западной Европе английские суды первыми завоевали репутацию безукоризненной честности в отношении купцов (том числе и по отношению к тяжбам иностранцев).

Расширение торговли было бы невозможно без **развития денег, кредита, изменений в системе финансов**. Начиная с XIII века векселя используются вместо монеты, а с XVII века они приобретают свойство обращаемости с передачей третьим лицам по индоссаменту. Любопытно подчеркнуть, что торговля векселями совершалась в обход церковного запрета на взимание процента. Считалось, что "приобретение векселей со скидкой – это не процент, а учет риска". Успеху торговли способствовало развитие страхования. Уже в конце XII века в Италии происходит отделение страхования от финансирования, а позднее – отделение морских рисков от рыночных.

Развитие торговли подготовило становление абсолютизма, который стал союзом дворянства и торговой буржуазии. Привычные для феодализма **экстраординарные поборы уступают место законному налогообложению**. В Англии и Голландии правительства первыми утрачивают право на произвольные сборы. Установление налогов становится делом парламента.

Постепенно формируются предприятия нового типа. Этому в немалой степени способствует **двойная запись в бухгалтерии**, которая из проверки ошибок превращается в механизм, закрепивший отделение трансакций предприятий от трансакций человека. **Собственность предприятия начинает существовать отдельно от семейной собственности**. Предприятие становится юридическим лицом. Оценка активов-пассивов, четкое определение баланса предприятия (прибылей и убытков) позволяют развить практику кредитования на основе оценки финансового положения фирмы и перспектив её развития.

Возникают экономические объединения, основанные не на родственных, а на чисто деловых связях. Первоначально такие предприятия организовывали бывшие военные и моряки, пользовавшиеся взаимным доверием, поддержкой и верностью по отношению к товарищам.

² Следует оговориться, что вплоть до наших дней единого мнения о том, какие же факторы сыграли наиболее важную роль в возникновении "западноевропейского чуда", так и не сложилось. Обзор концепций по этой проблеме см.: *Фурсов А.И.* Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. Обзор. М.: ИНИОН. 1991.

³ Подробнее см.: *Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е., мл.* Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск, 1995. С. 120–149.

Большее значение в эволюции имели неэкономические источники.

Существенную роль в формировании нового социального типа предпринимателя сыграла Реформация. Проповедь М. Лютера и Ж. Кальвина способствовала формированию *протестантской этики, заложившей новые нравственные правила и новую мораль* (трудолюбие, выполнение обязательств, честность, пунктуальность и т. д.). Особое значение имело проведенное М. Лютером отделение раннекапиталистического предпринимательства от позднефеодального стяжательства и "учение об избранных" Ж. Кальвина⁴. Всё это способствовало демократизации церкви в интересах буржуа.

Огромную роль в становлении рыночной экономики в Западной Европе сыграли также политические институты. Не следует забывать, что в XIV — XIX вв. существовала *активная поддержка государством развития торговли и промышленности*. Именно государство обеспечивало возвращение кредитов и выполнение соглашений, защиту прав собственности, поддерживало создание правовых форм, отвечающих потребностям предприятий, заложило основы развития инфраструктуры (развитие бесплатного образования, создание транспортных систем и т.д.), защищало национальную промышленность от иностранной конкуренции и обеспечивало стабильность валюты. Вплоть до конца XIX века государство напрямую вмешивалось в развитие промышленности и торговли. Независимость производства и торговли от политических институтов выступает как характерная черта западноевропейского пути развития капитализма лишь на его позднем и относительно кратковременном этапе. Идеология невмешательства (laissez-faire) создала важные политические предпосылки для развития капитализма лишь в конце этого периода.

Становление капитализма было довольно органично не только в экономической, но и в социально-правовой и политической сферах (создание бесплатных публичных школ, реформирование системы права, обеспечение безопасности жизни и собственности граждан путем развития законопослушания и эффективной борьбы с преступностью, расширение права участия в выборах, смена абсолютных монархий республиканскими и демократическими правительствами, длительный мир в Западной Европе с 1815 по 1914 годы).

Таблица 2

Становление капитализма в Англии и Испании

Характеристики	АНГЛИЯ	ИСПАНИЯ
Тенденция	К децентрализации	К централизации
Усиление	Парламента	Бюрократии
Политическая рента	Ограничение	Поиск
Церковь	Ослабление позиций	Укрепление
Частная собственность	Укрепление (создание гарантий)	Ослабление (необеспеченность)
Обмен	Неперсонифицированный	Персонифицированный
Рынок	Дерегулирование	Регулирование (контроль над ценами)
Рынок капитала	Создание предпосылок для развития	Ограничение
Налогообложение	Ослабление	Усиление
Влияние на	США	Латинскую Америку

Следует, впрочем, подчеркнуть, что исторические предпосылки генезиса капитализма возникали в разных странах Западной Европы далеко не синхронно и не последовательно. Более того, эпоха нового времени стала ареной столкновения двух разнонаправленных моделей социально-экономического развития, что приобрело форму "векового конфликта" (XVI — XVII вв.) между прогрессивными протестантскими государствами Севера (Англия, Голландия) и регрессивной католической империей Габсбургов (см. табл. 2). В то время как империя Габсбургов располагала, казалось бы, неиссякаемыми запасами денег и сырья из колоний, ресурсы протестантских государств были гораздо более скудными. Однако решающую роль в исходе "векового конфликта" сыграли не материальные ресурсы, а институциональные факторы. Эффективные институты возникали в обществах, которые имели сильные стимулы к созданию и закреплению прав собственности. В то время как в протестантских государствах бурно шло формирование новых, благоприятных для рыночного хозяйства институтов (господство правовых норм, парламентская республика, низкие налоги, "дешевая" церковь), в Испании и Италии ростки рыночного хозяйства оказались буквально раздавленными регенерацией архаичных, полуфеодальных институтов (бюрократический произвол, абсолютистская монархия, налоговый гнет, "дорогая" церковь). В результате к началу XVIII в. юг Европы превратился в глухое захолустье, а генераторами экономиче-

⁴ Подробнее см.: Всемирная история экономической мысли. В 6 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 362–369.

ского развития стали Голландия, Англия и отчасти Франция⁵. Противопоставление эффективной английской и неэффективной испанской моделей позже вылилось в противостояние динамичного североамериканского капитализма и неэффективного латиноамериканского меркантилизма и является весьма поучительным для стран, создающих основы рыночной экономики.

Россия никогда не принадлежала к первому эшелону; он пронесся мимо России, когда она залечивала раны Смутного времени. Именно стремление догнать этот передовой эшелон служило главной целью всех российских реформаторов – от Петра I (ориентация на опыт Голландии и Швеции) до Б. Н. Ельцина (ориентация на модель США). Временами огни первого эшелона явственно приближались, порождая надежды, что стоит сделать еще одно усилие, и Россия войдет в число высокоразвитых держав как равная среди равных. Увы, за очередным поворотом экономического развития обнаруживалось, что разрыв между Россией и передовыми странами отнюдь не сократился, а увеличился.

1.2 *Второй эшелон, от которого мы отстали*

Второй эшелон развития капитализма начал формироваться в конце XVIII – середине XIX вв. в странах Восточной Европы, в России, Турции, Японии. Импульс рыночной модернизации для этих стран был задан не столько внутренними, сколько внешними обстоятельствами. Капитализм в этих странах не столько вырос из "снизу", сколько насаждался "сверху" – путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий и дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, путем прямого развития государственного предпринимательства и т.д. Не случайно К. Маркс писал во втором наброске ответа на письмо В.И. Засулич, что в России возник "известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства..."⁶. Однако использование институтов российской полуазиатской монархии для создания и укрепления капиталистических отношений предопределило не только прогрессивные, но и реакционные черты российского капитализма начала XX в.

Развитие пореформенной России есть яркий пример *периферийного капитализма*, в котором сосуществовали самые многообразные переходные формы и отношения. На внешних рынках молодой российский капитализм столкнулся с сильной конкуренцией достаточно зрелого западноевропейского капитализма. А внутри страны его развитию препятствовали многочисленные феодальные и дофеодальные отношения и в экономической, и в политической структуре.

Сложность теоретического осмысления происходящих процессов, выработки правильной оценки развития усугублялась еще тем, что передовая русская интеллигенция хорошо видела обнажившиеся на Западе внутренние противоречия капиталистического развития. Уже основоположники русского крестьянского социализма, экономисты-народники, ломали голову над тем, как избежать "капиталистической язвы", как найти для России, особый, некапиталистический путь к социализму. В условиях неразвитости капиталистических отношений они обращали свои взоры к крестьянству, вольно или невольно идеализируя русскую патриархальную деревню. Однако в ходе развития капиталистического общества построения народников все более теряли реальную основу. Для завоевания на свою сторону интеллигенции марксистам необходимо было не только показать общие теоретические ошибки народников, но и на конкретном материале, с цифрами в руках, шаг за шагом раскрыть особенности развития капитализма в России. В этих условиях задача защиты марксизма переросла в задачу конкретизации и дальнейшего развития марксистской теории на материалах страны "второго эшелона развития" капитализма, что и попытался сделать В. И. Ленин. В своей знаменитой книге "Развитие капитализма в России" (1899 г.) он стремился доказать, что Россия уже в основном включена в капиталистическую систему хозяйства, что, соответственно, ставило на повестку дня вопрос о подготовке перехода к социализму как более высокоразвитой, по его мнению, общественной системе. Такая предвзятая задача потребовала от автора известных натяжек, например, стирания грани между развитием элементов мелкого товарного производства и собственно капиталистическим производством⁷.

Позже, когда большевики стали правителями России, они на собственном горьком опыте убедились, что им приходится ставить эксперимент в стране даже не "средне-слабого", а просто слабого развития капиталистических отношений. Тем самым они попутно дали окончательную оценку результатам "путешествия" России во втором эшелоне развития капитализма: к началу XX в. страна не решила еще основных задач промышленной революции, с которыми страны первого эшелона справились уже к середине XIX в. Такой плачевный результат привел к кризису веры в прогрессивные потенции российского капитализма как такового. Образно выражаясь, Россия вышла из слишком тихого второго эшелона и попыталась "на полустаночке" административно-командной системы пересесть на другой состав – на "бронепоезд" альтернативной ("большевистской") модернизации.

1.3 *"На полустаночке" административно-командной системы*

⁵ Норт Д. Ук. соч. С. 145–150.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.415. См. также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 361.

⁷ Нуреев Р. М. "Развитие капитализма в России" – первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному) // В кн.: "Развитие капитализма в России": 100 лет спустя. М. – Волгоград, 1999. С. 87 – 112.

Альтернативная модернизация – это попытка решать те же задачи, которые решали страны первого и второго эшелонов развития капитализма, но диаметрально иными методами – не путем развития рыночного механизма, а полной его заменой механизмом директивного управления. Программа модернизации экономики России родилась не только и не столько из теоретических размышлений, сколько из повседневной хозяйственной практики "большевистского эксперимента".

1.3.1. Процесс огосударствления экономики. Становление административно-плановой системы.

Важную роль в становлении авторитарно-бюрократического строя в СССР сыграл "военный коммунизм". "Военный коммунизм" представлял собой попытку применения в интересах победившего пролетариата отдельных форм государственно-монополистического регулирования в стране "среднеслабого" капитализма. Великая Октябрьская революция создала условия для формального обобществления производства: замены частной собственности на средства производства государственной и ведения производства по общему плану в интересах всего общества.

В экстремальных условиях, созданных первой мировой и гражданской войнами, необходима была **централизованная продовольственная диктатура**. Согласно Декрету о продразверстке, мелкие крестьянские хозяйства должны были сдавать государству так называемые "излишки" — первоначально то, что превышало 12 пудов зерна на едока, необходимых для посева и еды. Позднее, правда, к "излишкам" была отнесена и значительная часть необходимого продукта. Наркомпрод осуществлял распределение собранного продовольствия и сельскохозяйственного сырья по губерниям в соответствии с их потребностями (точнее, исходя из ресурсов и информации об этих потребностях).

Второй характерной чертой "военного коммунизма" была **милитаризация труда**. Объектом мобилизации было все взрослое население страны: мужчины в возрасте от 18 до 40. Детский труд (с 14 лет) использовался как исключение. Женщины, имеющие четырех и более детей, были освобождены от всеобщей трудовой повинности. Мобилизация, подобно призыву в армию, осуществлялась по годам рождения через биржи труда и специальные агентства. Эти учреждения занимались регистрацией и распределением работников в соответствии с указаниями Главкомтруда. Существовала единая тарифная сетка оплаты труда, в соответствии с которой все трудящиеся были разбиты на 35 разрядов. Недостаточный размер трудового пайка и ненадежность снабжения им способствовали широкому развитию дезертирства. На IX съезде РКП(б) Л.Д. Троцкий отмечал, что из 1.150 тыс. рабочих, занятых в важнейших отраслях промышленности, 300 тыс. дезертировали⁸. Меры борьбы с уклоняющимися от трудовой повинности и дезертирами были достаточно суровы, отражая законы военного времени. Тем не менее процессы эти приостановить не удалось, так как заработная плата, по данным Наркомтруда, обеспечивала лишь 50% физиологического минимума в Москве и только 23% — в других городах⁹. Сводить концы с концами рабочим помогал нелегальный рыночный сектор. Дихотомия натуральной в своей основе государственной централизованной экономики и запрещенного партикулярного, рассеянного рынка сложилась уже на заре советской власти, в эпоху "военного коммунизма". Она, как мы увидим позднее, станет характерной чертой государственно-бюрократического социализма.

Политика НЭПа способствовала возрождению товарно-денежных отношений, однако пример "военного коммунизма" не прошел бесследно. Ведь именно в этот период рабочий контроль и учет впервые перерос в систему государственного регулирования производства, произошло создание основ будущей иерархической системы управления. Практика "военного коммунизма" показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. Их первоначально пропагандировал Л.Д. Троцкий и фактически взял на вооружение И.В. Сталин. В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит формирование **административно-командной системы**.

В конце 20-х годов началось чрезмерное (не основанное на реальном уровне обобществления производства) огосударствление экономики. Вытеснение частного сектора осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами. Чрезвычайные меры становились не исключением, а правилом, способствуя формированию административно-командной системы. Стихийные рыночные механизмы, казалось, слишком медленно создают условия для нового общества. Революционное нетерпение молодого рабочего класса было умело использовано И.В. Сталиным и его ближайшим окружением. Псевдореволюционные призывы и авантюристические обещания построить светлое социалистическое общество всего за несколько лет упорного труда сделали свое дело.

Таблица 3

Темпы прироста промышленной продукции (в %)

	Годы 1-й пятилетки				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Отправной вариант	21,4	18,8	17,5	18,1	17,4
Оптимальный вариант	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2
Годовые планы	21,4	32	45	36	16,5

⁸ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., Госполитиздат, 1960. С. 93.

⁹ Кульминация "военного коммунизма". ЭКО. 1989. № 1. С. 172.

Фактически	20	22	20,5	14,7	5,5
------------	----	----	------	------	-----

Источник: Коммунист. 1987. №18. С.84.

В действительности же попытки резко повысить темпы роста усилили диспропорции в экономике и способствовали падению темпов роста развития и началу омертвления огромных средств в незавершенном производстве (см. таблицу 3).

Насилие по отношению к сельскому хозяйству вело к падению валовых сборов и урожайности зерновых и технических культур, к резкому сокращению производства продукции животноводства и поголовья скота (см. таблицу 4).

В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации осуществляется второе (после "военного коммунизма") *насильственное свертывание товарно-денежных отношений*. Планомерная форма ведения хозяйства отрицает товарную. Однако такое отрицание предполагает, что товарная уже полностью исчерпала свои возможности и заложенные в ней потенции. К сожалению, в конце 20-х годов это было далеко не так. Фактически свертывание товарно-денежных отношений сопровождалось не только развитием планомерной формы, но и частичной натурализацией экономики. Возникла такая своеобразная система, которую А.А. Богданов удачно назвал "объединенным натуральным хозяйством"¹⁰. Функции экономического координатора в этой системе объективно должен взять на себя государственный аппарат. Роль его по отношению к обществу неизмеримо возростала, что объективно дает повод для аналогии с азиатским способом производства.

Таблица 4

Сельскохозяйственное производство в 1-й пятилетке

	Годы		
	1928	1932/33 (по пятилет- нему плану)	1932 (фактиче- ски)
Все посевные площади, млн. га	113	141,3	134,4
в т.ч. посевные площади зерновых, млн. га	92,2	111,4	99,7
Валовой сбор, млн. т			
зерновых	73,3	105,8	69,9
хлопка-сырца	0,79	1,91	1,27
сахарной свеклы	10,1	6,6	
Урожайность, ц/га			
зерновых	7,9	Повысить на 35 процентов	7
сахарной свеклы	132		43
хлопчатника	8,1		5,9
льноволокна	2,4		2
картофеля	82		71
овощей	132		79
Поголовье скота, млн. голов			
лошади	32,1	около 38	21,7
крупный рогатый скот	60,1	80,9	38,3
в т.ч. коровы	29,3	35,5	22,3
свиньи	22	34,8	10,9
овцы	97,3	...	43,8
Производство			
мясо, млн. т	4,9	...	2,8
молоко, млн.т	31	...	20,6
шерсть, тыс. т	182	...	69
яйца, млрд. шт.	10,8	...	4,4

Источник: Коммунист. 1987. №18. С.85.

Директивное планирование фактически оказалось *возрождением (на государственном уровне!) натуральных форм ведения хозяйства* при значительном ограничении и существенной деформации товарно-денежных отношений. Естественно, что возникший симбиоз не был простым воспроизведением ни натуральных форм регулирования экономики, типичных для азиатского способа производства, ни товарных отношений, характерных для простого товарного хозяйства. Иными были уровень развития производительных сил, и тип производственных отношений. Тем не менее не следует забывать, что в переходный период "надстройка" приобретает известную самостоятельность, роль субъективного фактора возрастает. До известных пределов "надстройка" может "абстрагироваться" от экономических закономерностей, диктуемых производственным бази-

¹⁰ См.: Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1. 4-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 18.

сом. Она в определенной мере сама оказывается творцом условий своего существования и воспроизводства. Неудивительно поэтому, что политические авантюристы, игнорирующие существующую в стране материально-техническую базу, могут принимать отнюдь не оптимальные решения и приводить в жизнь далеко не самую эффективную, с экономической точки зрения, политику. Ошибочность принятых программ обнаруживается при этом далеко не сразу.

Новоявленная авторитарная власть находит опору **в жестком централизме и мелочном администрировании**. Разрушению товарных связей способствовала как внешняя обстановка (капиталистическое окружение), так и внутренняя (необходимость создания собственной тяжелой индустрии как базы оборонной промышленности). Функция контроля и учета за общественным производством трансформируется в функцию организации и планирования развития системы в целом. Государственный аппарат регулирует связи между отдельными ячейками производства, определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени необходимо затратить на удовлетворение той или иной общественной потребности. Не закон стоимости, а планирующие органы государства решают, что, каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять. С ростом народнохозяйственного организма, однако, эта задача все более и более усложняется, происходит снижение качества составляемых балансов, падение темпов роста.

Для командно-административной системы характерна **крайняя негибкость в принятии и исполнении решений**. Механизм адаптации к новым условиям крайне несовершенен, быстрая реакция возможна только в условиях крайней опасности. По существу, управление происходит по принципу, описанному еще в 20-е годы Л.Н. Крицманом и метко названному им "ударный нос и неударный хвост". "... К чему сводится наше «ударное» хозяйничанье? — писал Л.Н. Крицман. — Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной. «Все на имярек». Дело идет на лад. Но тут же, как только или еще до того, как с большими усилиями удастся вытащить «ударный» нос, обнаруживается, что увяз «неударный» хвост. Хвост немедленно объявляется ударным, и история начинается с начала"¹¹.

Действительно, первоначально планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок. Определялись задания по важнейшим отраслям тяжелой промышленности (производству чугуна, стали, проката, электроэнергии и т.д.), и для их развития выделялись основные имеющиеся ресурсы. На удовлетворение нужд других отраслей шло то, что оставалось после решения первоочередных задач. По существу, довоенные и первые послевоенные пятилетки не были полностью сбалансированы и всегда содержали частичные диспропорции. Лишь в 60-70-е годы происходит переход к комплексному многовариантному планированию. Однако теперь на передний план выходят новые проблемы, возникшие с ростом масштабов народного хозяйства. В начале 80-х годов Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось более 12 млн. наименований продуктов труда. В этих условиях балансы приобретают все более обобщенный характер, происходит понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавляется противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решает и межотраслевой баланс. При планировании от достигнутого межотраслевой баланс фактически основывается на нормах затрат предыдущих лет. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составляемый Госпланом, оказывался хронически консервативным.

Таблица 5

Производство некоторых видов промышленной продукции в натуральном выражении в 1975-1989 гг., млн. т

	1975	1980	1985	1989
Нефть, включая газовый конденсат	491	603	595	607
Уголь	701	716	726	740
Сталь	141	148	155	160
Прокат черных металлов	115	118	128	136
Железная руда	235	245	248	241
Цемент	122	125	131	140

Составлено по: Народное хозяйство в СССР в 1980 г. М., Финансы и статистика, 1981. С. 156-159, 178; СССР в цифрах в 1989 году. С.217, 221.

Плановое хозяйство становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым. В начале 80-х годов число ежегодно составляемых плановых показателей оценивалось в огромную величину — 2,7-3,6 млрд., в том числе в центре утверждалось порядка 2,7-3,5 млн.¹² Большая часть этих показателей (до 70%) приходилась на распределение материалов и планирование поставок.

Таблица 6

Среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур (во всех категориях хозяйств) в 1976-1989 гг., млн. т

¹¹ Крицман Л. О едином хозяйственном плане. М.: Госиздат, 1921. С. 6.

¹² См.: Ноув А. Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов // ЭКО. 1990. № 4. С. 49.

	В среднем за год		
	1976-1980	1981-1985	1986-1989
Зерно	205	180,3	206,9
Хлопок-сырец	8,55	8,31	8,39
Сахарная свекла (фабричная)	88,7	76,4	88,9
Льноволокно тыс. т	3	377	367
Картофель	82,6	78,4	74,4
Овощи	26,3	29,2	29,2

Составлено по: СССР в цифрах в 1989 году. С. 235.

Любые технические нововведения, естественно, предполагают изменение ресурсного обеспечения, направления движения новой продукции, установления новых хозяйственных связей. Чем кардинальнее изобретение, тем сильнее логика сложившейся структуры. Административно-плановая система воспринимает их с большим опозданием и достаточно болезненно, будучи *ориентированной фактически на простое воспроизводство*. Естественно поэтому, что растет срок службы оборудования, постоянно снижается фондоотдача. Средний срок службы оборудования составлял в отечественной промышленности 26 лет в 1989 году, превышая более чем в 2 раза существовавший официальный норматив. Фондоотдача снизилась с 1,29 в 1980-м году до 1,03 в 1989 году¹³. Неудивительно, что происходило постоянное снижение темпов среднегодового прироста произведенного национального дохода. Если в 1976-1980 годах они составляли 4,3%, то в 1981-1985 — 3,2%, а в 1986-1989 — всего лишь 2,7%¹⁴. Однако, если элиминировать ценовой фактор и обратиться к натуральным показателям, то станет ясно, что действительные темпы роста были еще более скромными (см. табл.5, 6).

Торможению экономического развития способствовала и монополизация производства.

1.3.2. Монополизация производства. Процесс монополизации экономики начался уже в ходе форсированной индустриализации. Ее характерными чертами были *широкое использование ручного труда, универсальной техники, опора на новое строительство*.

Основным ресурсом был малоквалифицированный ручной труд, возникший в результате перелива трудовых ресурсов из деревни в город. Бывшие крестьяне и ремесленники быстро пополняли ряды рабочего класса. Этот фактор восполнял недостаток других ресурсов и определил особенности их использования. В частности, его приходилось учитывать при внедрении новой техники. Первичная индустриализация должна была широко использовать прежде всего такую технику, на которой могли работать привыкшие к простому физическому труду бывшие крестьяне. Этим условиям удовлетворяло универсальное оборудование. Оно предъявляло сравнительно невысокие требования к качеству рабочей силы и используемого сырья. Универсальное оборудование создавало предпосылки для массового производства ограниченного числа стандартных изделий.

Особенностью индустриализации в СССР было преимущественное развитие первого подразделения, стремление создать прежде всего группу отраслей тяжелой индустрии, как основу собственного машиностроения, собственной оборонной промышленности. В этих условиях наибольшее развитие получила не реконструкция существующих мощностей, а новое строительство. Оно было тем более необходимо, так как многие из создаваемых отраслей практически отсутствовали в царской России.

Широкий внутренний рынок и отсутствие конкуренции со стороны развитых капиталистических стран способствовали ориентации промышленности на внедрение универсальных технологий. Акцент делался на количестве, а не на качестве выпускаемых изделий. В самих технологиях не были заложены предпосылки для постоянного обновления выпускаемой продукции. Новые заводы и фабрики создавались как крупные предприятия-гиганты, монополисты в соответствующих отраслях и подотраслях.

Гигантомания имела свои причины. Она была продиктована не только общей ориентацией на будущее коммунистическое общество, предпочтением завтрашнего дня сегодняшнему. В этом сказывалось и стремление реализовать экономические преимущества крупного производства над мелким. Учесть потребности крупного производства было легче и в народнохозяйственном планировании. Наконец, немаловажным обстоятельством было и то, что крупномасштабное строительство всегда было заметно "сверху", могло быть по достоинству оценено вышестоящим начальством.

Отрицательные последствия гигантомании не заставили себя долго ждать. Ориентация на крупное производство не учитывала местные и региональные потребности, которые могли быть более эффективно удовлетворены мелкими и средними предприятиями. Недооценка мелкой механизации препятствовала повышению эффективности общественного труда. Создание предприятий-гигантов, не считающихся с интересами районов, областей и целых республик, обостряло проблему сочетания территориального и отраслевого развития. Игнорирование местных и национальных потребностей способствовало углублению дефицита товаров. Длительный период строительства заводов-гигантов, медленные сроки их окупаемости стали одной из важных

¹³ СССР в цифрах в 1989 году. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 165, 200.

¹⁴ Там же. С. 11.

причин инфляции. Ее углублению способствовала также ориентация на строительство предприятий первого подразделения. Неудивительно, что высокая монополизация производства затормозила в дальнейшем технический прогресс. Монопольные условия производства заводов-гигантов не ставили их перед необходимостью быстрого обновления выпускаемой продукции. Трудности, с которыми столкнулись предприятия, были иного рода — они были связаны не с проблемой реализации вышеуказанной продукции, а с проблемой обеспечения этого выпуска необходимыми ресурсами: сырьем и комплектующими изделиями.

Трудности материально-технического снабжения отражаются на функционировании государственных предприятий, возникает такое парадоксальное явление, когда в условиях углубляющегося разделения труда внутри каждого из предприятий нарастают натурально-хозяйственные тенденции. Это выражается в том, что основное производство обрастает комплексом дополнительных и вспомогательных производств, помогающих ему преодолеть (до известных пределов) проблемы материально-технического снабжения, снять остроту обеспечения рабочих продуктами питания. В результате многие предприятия предпочитают универсальное оборудование специализированному, что приводит к росту затрат при более низком качестве продукции. *Происходит* как бы "*вторичная*" *универсализация производства*. Увеличение вспомогательных служб и производств способствует разбуханию ремонтной базы, росту ручного и изменению характера инженерного труда. Главной функцией последнего становится обеспечение производства сырьем и материалами, а не разработка и внедрение новой техники. Текущие задачи по снабжению и оперативному управлению вытесняют перспективные, связанные с научно-техническим прогрессом. Неритмичность поставок ведет к возрастанию сверхнормативных запасов, достигших к концу 80-х годов 500 млрд. руб. Сверхнормативные запасы являются не только фактором, обеспечивающим ритмичность производства в условиях несбалансированной экономики, но и ресурсом, который можно обменять на дефицитные средства производства. Развивается бартер.

Высокая монополизация была характерна для целых отраслей, что не могло не отразиться и на интересах управляющих ими министерств и ведомств. По мере укрепления их положения они приобретают свои самостоятельные интересы, нередко значительно отличающиеся от интересов как производителей, так и потребителей, общества в целом. Особенно наглядно это проявляется в *торможении научно-технического прогресса*.

Главными причинами торможения НТП являются: 1) монопольный характер отраслевого производства; 2) слабая связь госбюджетного финансирования с конечными результатами деятельности научно-исследовательских и проектных организаций; 3) отсутствие экономической ответственности со стороны министерств и ведомств за деятельность подчиненных им отраслевых НИИ и т.д. В обществе не сложился экономический механизм воспроизводства, основанный на оперативном внедрении достижений научно-технического прогресса. Инициатива идет, как правило, не "снизу", а "сверху". Это приводит к тому, что нередко внедряются далеко не оптимальные варианты.

При чрезмерном огосударствлении экономики отсутствует реальный потребитель, экономически заинтересованный и материально ответственный за внедрение достижений научно-технического прогресса в производстве. В условиях административной системы управления сферой НИОКР растет число работ, удовлетворяющих текущие интересы вышестоящих организаций в ущерб разработке приоритетных направлений в развитии науки и техники. Ускорению НТП препятствует сохраняющаяся многоступенчатость и сложность принятия ответственных управленческих решений, чрезмерная длительность согласования с другими министерствами и ведомствами межотраслевых проблем, возникающих в ходе изготовления новой техники. В результате 85% внедренных изобретений использовались лишь в рамках одного предприятия, 14,5% — на двух и только 0,5% изобретений были внедрены на 3-5 предприятиях¹⁵.

Многие предприятия и не были заинтересованы в распространении тех достижений, которые позволяли им получать монопольные сверхприбыли. Торможение технического прогресса и сознательное ограничение производства (с тем, чтобы получить напряженный план) закономерно рождает экономику дефицита.

1.3.3. Экономика дефицита и ее тень. Дефицитная экономика — характерная черта директивного планирования. В условиях административно-командной системы спрос ограничен не наличной денежной массой, а государственной системой централизованного распределения. В этих условиях постоянно возникает дефицит отдельных товаров и услуг. Дефицит означает, что потребители не могут приобрести нужную им продукцию, несмотря на наличие денег. Парадокс заключается в том, что *дефицит возникает в условиях всеобщей занятости и почти полной загрузки производства*.

Дефицит является результатом абсолютизации политики ускоренного экономического роста, когда главной целью было "догнать и перегнать" развитые капиталистические страны (прежде всего в сфере военного производства). Такая ориентация экономического развития способствовала глубокой деформации общественных потребностей, постоянно недопроизводству тех или иных товаров народного потребления. К тому же по мере разрастания авторитарно-бюрократической системы и усложнения хозяйственных связей практически невозможно учесть из центра все потребности в отраслевом и региональном аспектах. К этому следует добавить недостатки директивного планирования, замедленность его "реакции" на изменение научно-технического прогресса, моды и других обстоятельств нашей быстротекущей жизни. К тому же удобная для директивного

¹⁵ См.: Соловьев А. Экономические и организационные условия внедрения новой техники в производство // Плановое хозяйство. 1987. № 12. С. 65.

планирования государственная система постоянных цен лишала их необходимой гибкости. Существующие цены уже фактически не отражают ни величину общественно необходимых затрат, ни величину общественной потребности.

Формы дефицита в условиях административно-командной системы многообразны. Существует **товарный дефицит на предметы потребления и средства производства**. Ликвидация дефицита какого-либо товара обычно порождает целую вереницу других. Рыночная экономика, как известно, быстро реагирует на возникновение дефицита ростом цен. Повышение цен делает более рентабельным, более прибыльным производство данного товара, что способствует переливу капитала и труда в эту отрасль. Такой автоматический перелив факторов производства в условиях жестко централизованной системы государственной экономики невозможен, так как все ресурсы распланированы заранее и распределены "сверху". Пока административно-командная система перераспределит ресурсы, пройдет значительное время и, возможно, острая потребность в этом товаре уже исчезнет. Однако возникнет новая, для удовлетворения которой снова потребуются значительный временной лаг.

Другой стороной дефицита является **дефицит трудовых ресурсов**, связанный с нерациональностью использования рабочей силы, отсутствием действенных стимулов к производительному труду, его низкой эффективностью и недостаточной мобильностью.

Наконец, существует **дефицит финансовых ресурсов**. Его причинами являются как неоптимальное финансирование, так и нерациональное использование выделенных госбюджетом финансовых средств, невозможность использовать их для финансирования других программ. Целевой характер финансирования и строгий контроль за использованием выделенных средств не позволяют гибко использовать имеющиеся ресурсы. Существовавшая система финансирования фактически не стимулировала и экономию уже выделенных средств. Значительная экономия в данном году могла стать основанием для сокращения финансовых средств в будущем году.

В условиях административно-командной системы возникает **теневая экономика как своеобразная тень экономики дефицита**. Теневая экономика — это совокупность нерегламентированных государством, неучтенных, а нередко и противоправных экономических процессов, закономерно возникающих в условиях несовершенного директивного планирования. В рамках теневой экономики обычно выделяют: 1) неформальную экономику; 2) фиктивную экономику; 3) "вторую" экономику; 4) "черную" экономику¹⁶.

Неформальная экономика СССР была связана с не включенными в план и нерегламентированными центральными органами хозяйственными связями между субъектами производственных отношений. Сюда, например, относится прямой продуктообмен средствами производства между отдельными предприятиями.

Фиктивная экономика включала деятельность, связанную с нарушением или фальсификацией хозяйственной отчетности, выпуском продукции, отличающейся от установленных норм и стандартов, различными приписками, позволяющими получать нетрудовые доходы.

Под "второй" экономикой в СССР обычно понимают экономическую деятельность, протекающую вне государственного и колхозно-кооперативного секторов. Сюда относятся индивидуально-трудовая деятельность, в которой в 1989 г. было занято около 700 тыс. человек, а также кооперативы, в которых к концу 1980-х гг. уже работали свыше 4,8 млн. человек. Указанные формы составляли, однако, лишь небольшую, легализованную, часть "второй" экономики, которая учитывалась государством и облагалась налогом.

"Черная" экономика обозначает незаконную производственную деятельность, которая всегда существовала в недрах административно-командной системы.

Следует подчеркнуть "азиатские" черты теневой экономики. Теневая экономика — это не свободное предпринимательство в чистом виде, она возникает в порах авторитарно-бюрократического строя и обслуживает его потребности, удовлетворяет его интересы. Ее целью является спекулятивная прибыль на базе экономики дефицита, предпосылкой - существование бюрократической системы. Она стремится к созданию монопольных условий для своей деятельности и потому невольно напоминает ростовщичество в недрах азиатского способа производства. Для нее действительно характерны предкапиталистические черты. По существу, она очень близка природе социально-экономического явления, которое Э.Ю. Соловьев назвал "торгашеским феодализмом"¹⁷.

1.3.4. Взлет и упадок советской бюрократии. Гиперцентрализм закономерно способствует росту бюрократического аппарата. В условиях натурализации экономики и сильной деформации товарно-денежных отношений развивается **система вертикальной ответственности**. Так называемый демократический социализм быстро перерождается в авторитарный. Руководители более низкого ранга назначаются вышестоящими чиновниками и не несут ответственности перед работниками тех ведомств, организаций и учреждений, которыми руководят. **Власть для народа эволюционировала не во власть бюрократии, а во власть бюрократии от имени народа**. Быстро разрушается, так и не успев полностью сформироваться, механизм подчинения центра воле трудящихся. Такой механизм, по мысли Ленина, должен был осуществляться через партию, профсоюзы, Советы и другие органы представительской власти, опираться на инициативу масс¹⁸. Ликвидация "старой гвар-

¹⁶ Подробнее см.: Головин С., Шохин А. Теневая экономика: за реализм оценок // Коммунист. 1990. №1.

¹⁷ Подробнее см.: Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 40-45, 85-88.

¹⁸ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С. 56-57, 204, 276; Т. 37. С. 405, 586-587 и др.

дии" в партии, огосударствление профсоюзов и лишение Советов реальной власти парализовали обратную связь, постепенно превратив демократию в фикцию.

Основой разраставшегося бюрократического аппарата была монополизация роли в иерархическом разделении общественного труда. Для советской бюрократии, как и для бюрократии вообще, характерны стремление ускорить ход дела административными методами, абсолютизация формы в ущерб содержанию, принесение стратегии в жертву тактике, подчинение цели организации задачам ее сохранения. "Бюрократия, — писал К. Маркс, — считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с «реальными» целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные"¹⁹.

В то же время советская бюрократия обладала и рядом специфических черт. Для нее характерно сращивание законодательной и исполнительной, военной и гражданской, административной и судебной власти, слияние партийного и государственного аппарата. **Административно-командная система — это своеобразная, идеологизированная форма бюрократизма.** Важную роль в увеличении прав и полномочий советской бюрократии сыграл тезис о чрезвычайной ситуации и учение об обострении классовой борьбы.

В рамках бюрократической структуры можно выделить высшее, среднее и низшее звенья. С известной долей условности к высшему звену следует отнести бюрократический аппарат центральных органов, к среднему — чиновников областных органов, министерств и ведомств, и к низшему — работников управления заводов, фабрик, организаций и учреждений. Несомненно, что в условиях культа личности вся полнота власти принадлежала высшему звену. В последующий период происходит значительное усиление бюрократии среднего звена, а в настоящее время — низшего.

В условиях административно-командной системы происходит фактическое огосударствление рабочей силы. Достаточно вспомнить широко практиковавшиеся до недавнего различные формы государственного принуждения (например, массовое использование в 30-50-е годы труда заключенных; привлечение миллионов людей — рабочих, служащих, учащейся молодежи и интеллигенции — к осенне-полевым сельскохозяйственным работам и др.). К этому следует добавить необоснованные массовые репрессии, затронувшие в период культа личности Сталина несколько миллионов человек!

Фактическая утрата трудящимися положения собственника средств производства привела к перерождению общенародной собственности в государственную, нарастанию процессов отчуждения, социальной апатии, падения дисциплины. Широко стало распространяться представление о государственной собственности как "ничейной". И дело не только в некомпетентности некоторых принятых от имени государства важных (затрагивающих судьбы миллионов людей!) решений, вроде переброски северных рек на юг, и т.д. Дело в том, что такие решения стали возможны в результате возникновения **разрыва собственности и ответственности**, фактического устранения коллективов трудящихся от оперативного управления социалистической собственностью.

Для бюрократии характерно отношение к работникам как к "винтикам" государственной системы. Действительно, полное огосударствление экономики лишает рабочих свободы выбора места и характера работы. Государство монополично определяет условия предоставляемой работы, ее содержание, систему оплаты, формирует репрессивный аппарат, законодательно ограничивает формы протеста. **Происходит не только формальное, но и реальное подчинение труда государственно-бюрократическому строю.** Под видом борьбы с характерными для капитализма отношениями вещной зависимости и экономического принуждения воспроизводятся предкапиталистические формы — отношения личной зависимости и внеэкономического принуждения. Этому служила целая система принятых в 30-е годы мер: суровые наказания за опоздания и прогулы, введение обязательного минимума трудодней в колхозах, жестокие репрессии за хищения государственного и колхозного имущества. Защитная функция советских профсоюзов была практически ликвидирована, профсоюзные лидеры стали послушными марионетками в руках административного аппарата. Произошло фактическое огосударствление профсоюзов.

В 30-е годы принимается ряд постановлений и указов, фактически прикреплявших рабочих к отдельным предприятиям и учреждениям. На это, в частности, было направлено введение трудовых книжек и особенно Указ Президиума Верховного Совета СССР "О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений", принятый 26 июня 1940 года. Согласно этому Указу, прогул без уважительной причины карался исправительными работами сроком до 6-ти месяцев с удержанием до 25% зарплаты. За самовольный уход с предприятия грозило тюремное заключение от 2-х до 4-х месяцев. Нарушителей привлекали к ответственности в 5-дневный срок. За первый месяц после принятия Указа была возбуждено более 100 тыс. судебных дел, а за полтора последующих — еще 900 тыс.²⁰. Подобные постановления и приказы способствовали росту неограниченной реальной власти заводской администрации над работниками, вытеснению экономических методов управления внеэкономическими, резкому ухудшению социально-психологического климата на производстве и в стране в целом.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271.

²⁰ См.: Хлевнюк О. 26 июня 1940 года: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 92.

Стремление нижестоящих чиновников выслужиться перед вышестоящими породило такое характерное для административно-командной системы явление, как "перегибы". В отличие от экономических методов управления, которые в значительной мере действуют автоматически и воспроизводятся на собственной основе, внеэкономические методы управления необходимо воспроизводить искусственным путем. При этом всегда легче "перегнуть" палку, чем "недогнуть", ибо есть реальная опасность поплатиться за "гнилой либерализм". В условиях сегментарной системы управления существует объективная тенденция к росту перегибов на каждом более низком уровне пирамиды власти. Нарастание перегибов доводит до абсурда любые предложенные "наверху" меры, превращая их в очередную кампанию (внедрение кукурузы, борьба против пьянства и т.п.).

Укрепление государственно-бюрократической формы собственности происходит за счет коллективной, кооперативной и индивидуальной форм собственности. Не только в теории, но и на практике субъектом собственности считалось только государство. Между тем именно через предприятия и трудовые коллективы осуществлялось реальное соединение рабочей силы со средствами производства. В условиях общественного разделения труда предприятия не могли не иметь особые экономические интересы. Эти интересы отнюдь не исчезали от того, что бюрократические органы перестали с ними считаться.

Не только государственные предприятия, но даже и колхозы были лишены реальных прав владения, пользования и распоряжения принадлежащими им ресурсами. Первоначально для колхозов устанавливалась система обязательных закупок только по зерну, однако в дальнейшем система обязательных закупок охватила все основные виды продовольственных и технических культур, а также продукцию животноводства. Государство, определяя структуру закупок, навязывало тем самым определенную структуру производства. Монопольно устанавливаемые цены предопределяли эффективность (или неэффективность) производства отдельных видов продукции. Тем самым колхозы не могли рационально распоряжаться своими средствами производства и даже своими (хранящимися в Госбанке) деньгами.

Тормозящую роль оказывает и мелочная регламентация производства. Следствием чрезмерного огосударствления становится фактическая утрата колхозно-кооперативной формой собственности своего кооперативного содержания. Чрезмерная опека со стороны государства парализовала развитие нашего сельского хозяйства, способствовала возникновению такого странного и трудно объяснимого с позиций "концепции развитого социализма" явление, как продовольственная проблема. Советский Союз в середине 80-х годов по урожайности зерновых занимал 90-е место, а по урожайности картофеля — 71-е место, отставая не только от среднемирового уровня, но также от среднего уровня всех развивающихся стран! К сожалению, это отставание не сокращалось, а увеличивалось и в последующие годы. За 1974-1985 гг. сельскохозяйственное производство увеличилось в СССР лишь на 11,6%, тогда как среднемировое производство выросло на 30,6%²¹.

Дискриминации подвергалась индивидуальная трудовая деятельность и соответствующая ей индивидуальная трудовая собственность. Целесообразность их сохранения в мелкой розничной торговле и сфере услуг доказывается современным опытом развитых и развивающихся стран. Действительно, индивидуальная трудовая деятельность эффективна везде, где производство еще не достигло высокого научно-технического уровня и крупных масштабов. Не секрет, что семейное производство было вытеснено в 30-е годы не экономическими, а административными методами, что существенно ограничило удовлетворение общественных потребностей. Огосударствление происходило тогда не только в сфере производства, но и в сферах распределения, обмена и потребления. Государство определяло стандарты бытия человека во всех сферах в соответствии с местом, которое он занимал в партийно-государственной иерархии.

Особенно наглядно это проявлялось в сфере распределения. Первоначально здесь господствовали уравнивательные тенденции. Их развитию способствовала существовавшая в первой половине 30-х годов и в годы Великой Отечественной войны карточная система, а также широко распространенный в 50-60-е годы принцип примерно равной оплаты за разный труд, что способствовало падению стимулирующей роли заработной платы. В годы застоя к этому добавилась практика выплаты незаработанных премий, рост различных привилегий в зависимости от места в партийно-государственной иерархии, с одной стороны, и рост нетрудовых доходов — с другой. Эти процессы также способствовали углублению разрыва между трудовым вкладом и его оплатой.

В условиях административно-командной системы господствует редиистрибутивный принцип распределения продукции. Причастность к власти означает и причастность к распределению. Вертикальная, зависящая от Центра, форма распределения продукта воплощается в номенклатурных уровнях распределения. Поэтому главной формой социальной борьбы становится не борьба вокруг собственности на средства производства, а борьба за доступ к ключевым рычагам распределения, за контроль над каналами распределения. Доход в обществе все больше зависит от статуса, чина и должности. Социальное деление общества выражается в его разделении на рядовых производителей и управляющих. Возникает целая система спецраспределителей дефицитной продукции для людей, причастных к власти. Торговля соединяется с распределением, становится не формой обмена, а формой редиистрибуции. Возникают спецмагазины, спецбуфеты, спецстоловые и т.д.

Наличие доступа к дефицитным товарам у отдельных социальных групп и их отсутствие у других становится важным фактором, усиливающим социально-экономическое неравенство. Если рядовые производители "отоваривают" свои деньги в системе госторговли и на колхозном рынке, то представители управленческого

²¹ См.: Илларионов А.Н. Где мы находимся? // ЭКО. 1988. № 12. С. 51.

аппарата имеют возможность получить продукцию и через спецраспределители, в которых имеется широкий круг товаров, продаваемых по государственным (как правило, монополично низким) ценам. Единая покупательная сила денег деформируется: она становится разной у разных социальных слоев и групп. В этих условиях прокламируемое всеобщее равенство все более и более превращается в фикцию.

Углублению неравенства способствовала и сложившаяся система распределения общественных фондов потребления, также ставшая основой для различных привилегий (в первую очередь работников государственного аппарата). Дифференциация доходов независимо от реального трудового вклада стала особенно заметной на фоне инфляционных процессов, окончательно деформировав принцип "от каждого — по способностям, каждому — по труду". Кстати, сам факт нарастающей инфляции явился своеобразным проявлением внутренних противоречий хозяйствования в условиях административно-командной системы. Инфляция (до конца 1980-х гг. незамечаемая нашей статистикой) наглядно показывала разрыв между словом и делом, между официальными показателями роста уровня жизни и ее реальным уровнем, уровнем дефицитной экономики.

Нарастающее неравенство усиливает кастовые признаки бюрократии. Начинают развиваться такие черты, как эндогамность (стремление вступать в браки лишь с людьми "своего круга"), престижное потребление (оно пронизывает весь образ жизни и находит свое выражение в специфическом знаковом характере одежды, предметов быта и т.д.), чувство избранности, сословная психология и т.п. Характерно, что в качестве ответной реакции у рядовых производителей возникает понимание равенства и социальной справедливости как уравниловки в потреблении, что нашло наглядное отражение в кампании по борьбе с привилегиями.

Роль бюрократии в условиях административно-командной системы особенно велика, потому что ей противостоит рыхлая социальная структура. "Бессубъектное общество", однако, неоднородно. Оно состоит из множества социальных групп, различающихся по социальному статусу: уровню дохода, потребления, степени защищенности прав и т.д. Наличие мелкогрупповых интересов, множественность статусов, региональный и ведомственный сепаратизм рабочих способствует росту группового и профессионального эгоизма и кретинизма. В условиях общей материальной скудости общества большую роль играют различия в потреблении. Умело используя различные мелкие привилегии (премии, право на заказ, выдача бесплатной путевки, льготная очередь на покупку автомобиля, получение квартиры и т.д.), бюрократия препятствует единству рабочего класса, осознанию им своих классовых интересов в условиях административно-командной системы. Проблема перехода трудящихся из одной структуры в другую также зависит от представителей местной администрации, что объективно укрепляет ее роль в обществе.

Оборотной стороной бюрократической системы является наличие широких маргинальных слоев. Их развитию способствовали массовая миграция из деревни в город, люмпенизация интеллигенции и наличие многообразных слоев неполноправной рабочей силы (зеки, стройбат, дисбат, обитатели лечебно-трудовых профилакториев психоневрологических диспансеров). Неудивительно, что до последних лет существования СССР министерство внутренних дел по объему выпускаемой продукции стояло на 6-м месте среди производственных министерств²². Образ "социалистического лагеря" возник отнюдь не на пустом месте. И действительно, лагерная субкультура до сих пор сохраняется в нашем обществе.

Подточенная внутренними противоречиями государственно-бюрократическая система продолжала существовать в хиреющем виде. Ее отставание было заметно прежде всего не изнутри, а снаружи, по отношению к другим странам. В последние десятилетия СССР стали быстро догонять Япония и Китай.

Внутри страны было особенно заметно отставание от передовых достижений научно-технического прогресса в производстве как средств производства, так и предметов потребления. Тем не менее в таком виде система могла существовать еще достаточно долго.

Решительный удар, как и следовало ожидать, был нанесен "сверху", со стороны пришедшего к власти нового руководства. Попытка эволюционно перестроить административно-командную систему была обречена на провал, так как не затрагивала основ хозяйственной системы. Первые практические шаги, направленные на создание рыночной экономики, фактически ликвидировали тот ограниченный народнохозяйственный рынок, который существовал в стране. На смену всесоюзному рынку пришел республиканский и региональный. Однако и он просуществовал недолго. Его все более активно вытеснял местный, городской рынок. Партикуляризация рынка стала следствием усиления дезинтеграционных процессов в экономике и политике.

Расширение прав предприятий предопределило разгул монополизма и, как следствие, углубление дефицита.

В условиях обострения дефицита и инфляции пыльным цветом расцвела теневая экономика. Усиление теневых структур вызывает резко отрицательную реакцию масс по отношению к рыночной экономике, усиливает социальную напряженность в стране. Правительство оказалось неспособным принимать быстрые и эффективные решения. "Перетряхивание" и сокращение бюрократического аппарата министерств и ведомств не прошли бесследно. Старая бюрократическая машина оказалась в значительной мере разрушенной, а новая еще не создана. Результатом стал рост неуправляемости системы.

Таким образом, "бронепоезд" альтернативной модернизации хотя и помог России временно решать некоторые проблемы обновления ее социально-экономической системы, но у этого состава оказались довольно ограниченные запасы "горючего". Благодаря использованию такой стратегии развития нашей стране удалось

²² Подробнее см.: *Стариков Е.* Новые элементы социальной структуры // *Коммунист.* 1990. № 5.

миновать "станцию" промышленной революции, но "доехать" до научно-технической революции было нельзя. В начале 1990-х гг. "наш бронепоезд", управляемый малоискусным "машинистом", вообще "рухнул под откос". Тем, кто выбрался из-под его обломков, пришлось "прыгать на подножку" третьего эшелона развития капитализма.

1.3.5. Соседи по третьему эшелону. После того, как "наш бронепоезд" потерпел крушение, Россия на исходе XX в. оказалась в третьем эшелоне развития капитализма, рядом со странами "третьего мира".

Третий эшелон оказался гораздо более многочисленным, чем второй эшелон, из которого Россия вышла в начале XX в. Более половины населения Земли приходится сейчас на Азию, а если добавить еще Африку, Латинскую Америку и Океанию, то доля стран "третьего мира" составит почти 80 %. Прогнозы показывают, что удельный вес этих регионов в населении будет возрастать, поскольку на них приходится 90 % прироста населения планеты. Однако их вклад в мировое экономическое развитие значительно скромнее, поскольку существует огромный разрыв между индустриально развитыми странами и странами так называемого "третьего мира".

Найти общие характеристики, подходящие для всех без исключения стран "третьего мира", довольно сложно. Большинство из них в прошлом были колониями, полуколониями или зависимыми территориями. Достижение политической независимости не означало для них независимости экономической. Экономическая отсталость, подчиненное положение в международном разделении труда, многоукладность социально-экономической структуры до сих пор типичны для многих из них. Обобщающим количественным показателем разрыва уровней развития является национальный доход на душу населения. В 1992 г. для стран "третьего мира" он был в 4,5 раза ниже, чем у развитых стран.

Важно не только общее отставание в развитии. Практически для всех развивающихся стран характерна асинхронность вызревания предпосылок современного рыночного хозяйства (см. табл. 7). Если по структуре ВВП эти страны в 1970-е гг. отставали от развитых на 50 лет, то по производительности труда в экономике – более чем на 125 лет, а в сельском хозяйстве – почти на 200 лет. Асинхронность касается как экономических аспектов, так и социальных. Хотя охват обучением в высшей школе в странах "третьего мира" близок к уровню развитых стран Западной Европы, доля неграмотных еще чрезвычайно велика – на уровне середины прошлого века. Многие различия вообще не поддаются однозначному измерению, поскольку связаны с особенностями цивилизационного развития. Долгое время европейская культура, цивилизация "христианского мира" оказывала на них довольно скромное воздействие, поэтому в наши дни ценности западной цивилизации часто идут вразрез с традиционными нормами морали и права, а потому вызывают реакцию отторжения даже у наиболее просвещенной части общества.

Современный "третий мир" развивается под влиянием двух прямо противоположных тенденций. С одной стороны, есть факторы, способствующие *синхронизации* развития государств: помощь со стороны развитых стран (продовольственная, медицинская, финансовая), создание региональных политических и экономических блоков (типа ОПЕК или АСЕАН). С другой стороны, есть мощная тенденция к *асинхронизации* развития, которая, безусловно, преобладает, обуславливая глубокие и все увеличивающиеся различия стран "третьего мира".

Вовлечение этих стран в мировое хозяйство в XVI – XIX вв. первоначально сопровождалось "потерей старого мира без приобретения нового", когда "созидательная работа" была "едва видна за грудой развалин"²³. Впрочем, полного разрушения традиционных форм зависимости так и не произошло. Втягивание в мировое хозяйство происходило на основе развития торгового земледелия и монокультурной специализации отдельных районов и даже целых стран.

Таблица 7

**Выход развивающихся стран к экономическим и социальным показателям, достигнутым ныне развитыми государствами в указанные годы
(усредненная оценка на 1970-е гг.)**

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.9, С.132,125.

Производительность труда:	
в экономике в целом	1840-1850 гг.
в сельском хозяйстве	1780-1800 гг.
Структура ВВП	1910-1920 гг.
Структура занятости:	
доля сельского хозяйства	1820-1830 гг.
доля индустриальных отраслей	1840-1850 гг.
доля сферы услуг	1870-1880 гг.
Доля городского населения	1920-1930 гг.
Доля неграмотных	1840-1850 гг.
Охват обучением:	
начальная школа	1860-1870 гг.
средняя школа	1930-1940 гг.
высшая школа (Западная Европа)	1950-1960 гг.
Ожидаемая продолжительность жизни	1940-1950 гг.
Детская смертность	1910-1920 гг.

Источник: Шейнис В. Социальные измерения в развивающихся странах. Взгляд в исторической ретроспективе // Азия и Африка сегодня. 1983. № 3. С. 27.

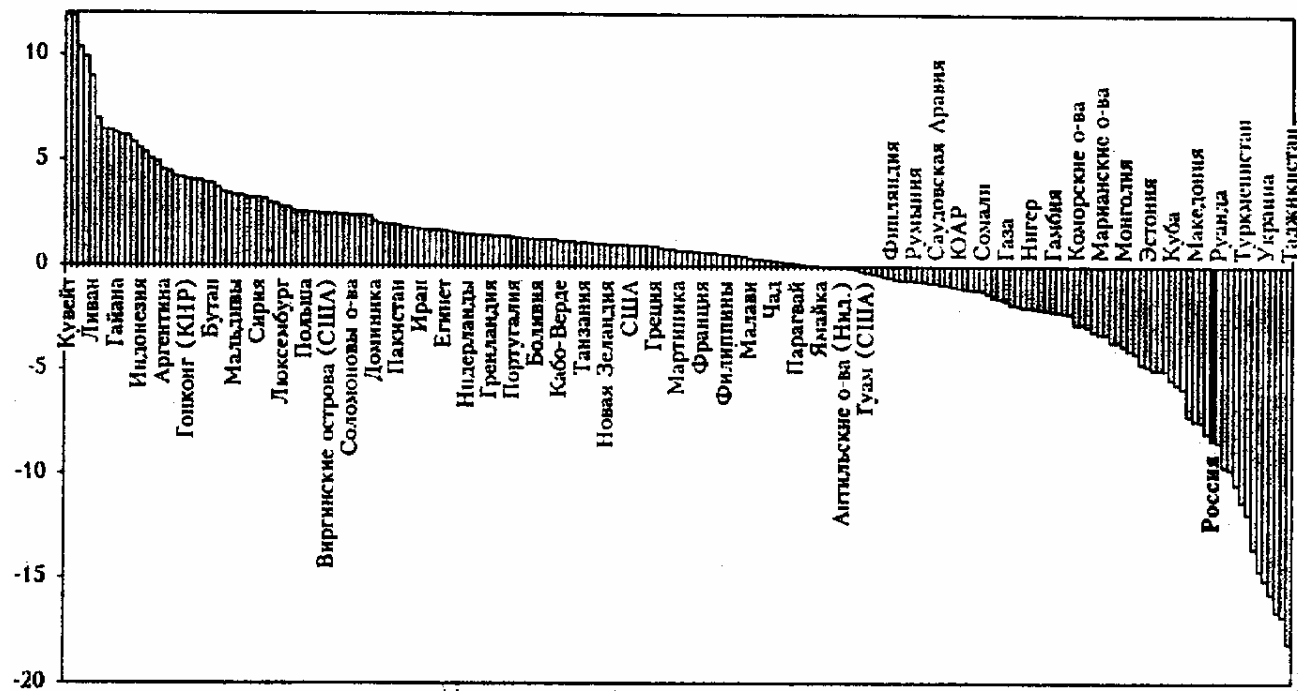

Рис. 1. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1991-1996 гг. (в %).

Источник: Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 49.

Рис. 1. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу на-

Крах колониальной системы отнюдь не устранил стремления местной администрации к тотальному регулированию экономики. В результате для хозяйственной жизни "третьего мира" характерно существование многочисленных запретов и ограничений, которые часто стимулируют не столько их выполнение, сколько повсеместное и широкомасштабное развитие неформального сектора. Неформальная экономическая деятельность пронизывает все поры развивающегося общества. Нет такой сферы, где бы она отсутствовала совсем. Ее масштабы варьируются от мелких незарегистрированных лавочек, торгующих обычными товарами повседневного быта, до транснациональных наркокартелей (типа Медельинского картеля в Колумбии), которые могут вести настоящие войны с правительствами и международными организациями. Мафия становится "государством в государстве", а правительственная бюрократия получает значительную часть доходов мафиозными методами.

Гипертрофия государственного регулирования имеет разнообразные причины. Они связаны и с традициями восточного деспотизма, и с наследием колониальной администрации, которая имела на периферии мирового хозяйства большие функции, чем в его центре. Не последнюю роль играют и амбиции современных национальных лидеров, стремящихся за счет "большого скачка" преодолеть многовековую отсталость. Демографический взрыв сильно ослабляет среднестатистический рост производства. В результате темпы его прироста постоянно заметно отстают от темпов прироста в развитых странах, что увеличивает разрыв между центром и периферией мирового хозяйства.

Изменяется характер зависимости периферии от центра. Если первоначально развивающиеся страны выполняли роль аграрно-сырьевых придатков, то после проведения первичной индустриализации они стали специализироваться на простых, ресурсоемких и "грязных" технологиях. НТР усиливает дифференциацию стран. Одним удается освоить высокие технологии и сократить разрыв, другим нет. Все это способствует увеличению разрыва внутри "третьего мира", утрате его былого единства. Страны "третьего мира" на наших глазах "разбегаются в разные стороны".

2. Проблемы постсоветской России

2.1 Легальный сектор: потеря старого мира без приобретения нового

Модели становления рыночной экономики для стран Восточной Европы и России, несомненно, создавались под влиянием рекомендаций мирового сообщества. МВФ и МБРР сформулировали под влиянием монетаристских идей основные принципы развития ("Вашингтонский консенсус"), которые и легли в основу "гайдароэкономики". Уровень теоретической подготовки "Гайдара и его команды", увы, оставлял желать лучшего. Если к этому добавить еще более скромный хозяйственный опыт будущих реформаторов, то причины глубокого разрыва между благородными замыслами и жалким их воплощением будут вполне понятны.

В результате трансформационного спада темпы роста в России 90-х годов были стабильно отрицательными (см. рис. 1). Россия всё больше и больше пропускала другие страны вперед. В итоге Россия закономерно сдвигается по шкале ВВП на душу населения, пропуская вперед всё новые и новые страны третьего мира, превращаясь из великой державы во второсортное государство, с которым перестают считаться сильные мира сего (см. рис. 2). Сейчас по ВВП на душу населения (с учетом паритета покупательной способности доллара) Россия находится на одном уровне с такими странами, как Иордания, Марокко, Свазиленд (!) и, что особенно печально, заметно ниже среднемирового уровня.

Домохозяйства: нерыночное приспособление к рынку. Проблема адекватности проектов реформ российским реалиям была осознана далеко не сразу. Всем казалось, что законы становления рыночного хозяйства везде одинаковы, и никто не изучал степени подготовленности различных институтов к радикальным реформам в экономической, социальной и политической сферах. Культурные стереотипы россиян не способствовали рыночным реформам, а скорее их тормозили, а главное, вообще не были объектом изучения специалистов. Институциональные предпосылки модернизации экономики попали в поле зрения экономистов-реформаторов гораздо позднее.

Между тем учет национальной ментальности чрезвычайно важен в процессе трансформации экономики. Российская экономическая ментальность формировалась веками. Она характеризует специфику сознания населения, складывающуюся исторически и проявляющуюся в единстве сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок, отражающихся в поведении населения. Исходя из разделяемых ими ценностей, люди либо принимают, либо отвергают новые социальные нормы. Общеизвестно, что российскую экономическую ментальность можно охарактеризовать как коммунальную, общинную, рассматривающую человека как часть целого. Важную роль всегда в России играли процессы реципрокации и редистрибуции. Православие нормативно закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины. Оно же развивало склонность к смиренности и покорности и препятствовало выделению индивида как автономного агента, абсо-

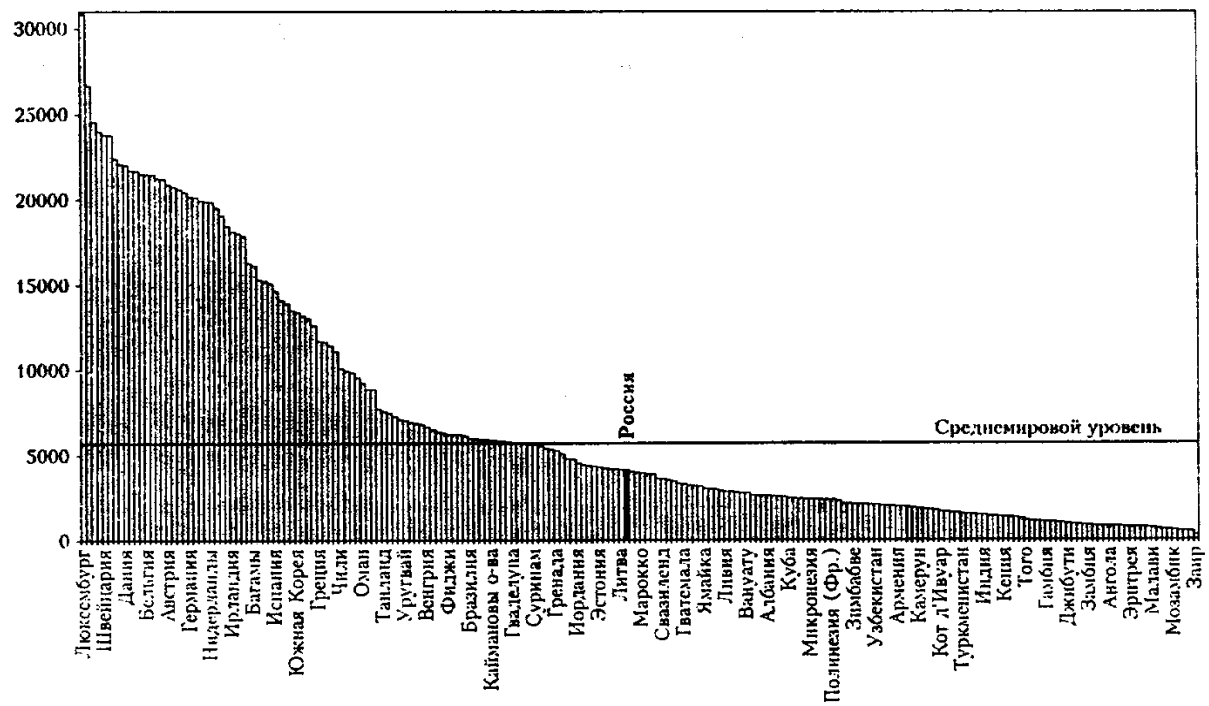

Рис.2. Место России в современном мире по ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности доллара, 1996 г.
 Источник: Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 49.

лютизируя моральные ценности в противовес материальным. Отсюда низкие ранги активно-достижительных ценностей в современной России.

В русской культуре успех — это прежде всего удача и следствие везения (и наивная вера в быстрое обогащение), а не результат длительных собственных усилий; скорее результат личных связей, а не следствие объективных процессов. Накопительство и собственность часто рассматриваются в национальной культуре не как положительные, а как отрицательные ценности. Свобода трактуется не как независимость и самостоятельность, а как возможность делать что хочется (в духе анархии и своеволия). Неудивительно, что **реакцией значительной части населения на трудности перехода к рыночной экономике стало не приспособление к ней, а бегство от неё.**

В процессе преобразования российской экономики сложилась ситуация безусловного преобладания неформальных отношений над формальными, укрепление личных связей в ущерб вещным, персонифицированному обмену в ущерб неперсонифицированному.

Неудача экономических реформ в России по рецептам неоклассического "экономикса" доказала невозможность модернизации постсоветской экономики без ясного понимания стратегических целей развития и учета ее социокультурных особенностей.

Анализируя социальную адаптацию населения к рынку, можно выделить две группы проблем. **Первая связана с расширением формальных свобод и прав, проблемой их институционализации**, а также фактическим сужением социальных и экономических возможностей. Формирование новых жизненных стратегий и изменение массового сознания населения отражает обе эти тенденции. Проведенные в 1990-е годы социальные преобразования по-разному отразились на уровне свободы различных групп населения. Дело в том, что у разных социальных групп в советской России существовал свой образ свободы, своё понимание возможности самостоятельно выбирать и реализовывать свои интересы и способности путем активной экономической, социальной и политической деятельности. 1990-е годы показали, что для россиян поле актуальной индивидуальной свободы лежит прежде всего в социально-экономической, а не в политической и правовой сферах. К тому же каждая экономическая система имеет свои ограничители свободы: постоянные и временные, естественные и искусственные, реальные и мнимые. В условиях трансформационного спада сужение экономических свобод оказало более сильное действие, чем расширение свобод социальных и политических. К тому же многие понимают свободу односторонне — как приобретение новых прав и благ без потери старых возможностей и гарантий. Большинство населения не видит глубокой взаимосвязи понятий "свобода — самостоятельность — ответственность". Хотят свободы, но без ответственности и самостоятельности, со всеми вытекающими из них последствиями.

Всё это привело к парадоксальному явлению не только невостребованности новых прав, не только разочарования в них (вследствие непонимания их природы), но и даже отчуждению от них широких слоев населения, особенно в депрессивных регионах. Многие поборники свободы недооценивали её предпосылок — самостоятельности и ответственности индивидов, которые резко возросли в условиях ограниченности ресурсов, усиленных гиперинфляцией и гигантским падением производства. В этих условиях большая нагрузка ложится на государство. Однако государство оказалось не только не в состоянии защищать провозглашенные им самим права, но и, наоборот, встало на путь их систематического нарушения. Отсутствие надежных институциональных гарантий гражданского общества привело к росту произвола властей всех уровней — от низового звена до государства в целом. В современных условиях власти разных уровней сами часто нарушают установленные законные права граждан и даже поддерживают друг друга, осуществляя неправовые акции (незаконное расходование бюджетных средств, продажа на априори невыгодных условиях объектов государственной собственности, заключение заведомо убыточных для России международных договоров и др.). Не случайно, что в опросах общественного мнения населения среди нарушителей прав граждан органы правопорядка встречаются почти вдвое чаще, чем обыкновенные правонарушители²⁴.

В этих условиях отклонение от правовых норм стало своеобразной нормой поведения, а следование им — исключением. Резко возрос разрыв между декларируемой, желаемой и реализуемой свободой. Всё это создало предпосылки для криминализации общества, для становления и развития **неправовой свободы**. Для общества стало характерным преобладание пассивных форм адаптации над активными, отказ от использования появившихся законных прав и свобод, воспроизводство отношений с работодателями на более зависимой и бесправной основе, чем в дореформенный период. Выживание в неправовом социальном пространстве стало возможно только путем систематического нарушения общественных норм. Чтобы выжить, многие вынуждены утаивать свои истинные доходы. Поэтому отклонения от социальных норм, **нарушение новых формальных правил становятся новым неформальным правилом.**

Большинство из официально провозглашенных прав реально не обеспечено, тогда как многое из того, что не провозглашалось, существует на практике, и не считается с этими своеобразными "правилами игры" нельзя. Расширение информированности населения также вносит свой вклад. Газеты ежедневно сообщают о многочисленных актах произвола и проявления беззакония в самых разных сферах жизни и деятельности общества снизу доверху. **Сегодня российское общество оказалось дальше от западной институциональной**

²⁴ Подробнее см.: Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000.

правовой свободы, чем было накануне реформ²⁵. Спрос на многие новые права носит как бы отложенный характер. Многие из них желаемы, но недоступны. Социально-экономические права по-прежнему доминируют над социально-политическими.

Действительно, главными для работников стали страх потери работы и ориентация на полужуридическую вторичную занятость. Страх потери работы усиливает зависимость рабочих от предпринимателя, возможность вторичной занятости создает предпосылки для некоторой независимости. Однако возможности вторичной занятости крайне ограничены. Поэтому в современных условиях люди вынуждены отстаивать свои права самостоятельно, не рассчитывая на помощь тех, кто должен этим заниматься в качестве своего основного дела. Отсутствие организованных социальных движений за права человека вынуждает людей самостоятельно приспосабливаться к сложившейся ситуации, отстаивать свои права в одиночку. **Защита своих прав стала делом индивидуальным, а не социальным.**

Вторая группа проблем связана с анализом особенностей российской адаптации населения к рынку в условиях маргинализации общества. Одна из важнейших особенностей заключается в том, что этот переход происходит в условиях глубокого трансформационного спада, который приводит к невостребованности новых социальных прав и возможностей, возникающих в процессе перехода к открытому обществу. Затянувшийся трансформационный спад способствует усилению социально-экономической зависимости населения от меркантилистского "государства всеобщего перераспределения". Государство больше не гарантирует не только доход, обеспечивающий достойный уровень жизни, но даже доход в размере прожиточного минимума. Исчезли гарантированная ранее государством всеобщая занятость, отсутствие угрозы безработицы. Страх потерять работу стал важным элементом усиления экономической зависимости.

Типичными становятся понятия "опекун" и "опекаемый". В массовом сознании сохраняется надежда на опеку, ожидание помощи и покровительства со стороны "сильных мира сего", стремление переложить ответственность на чужие плечи. Ради этой опеки люди готовы отказаться от "голодной" свободы, обменяв её на состояние "сытого" подчинения. Однако в условиях трансформационного спада "манна небесная" не выпадает, а возможности легального трудоустройства в значительной мере сокращаются. Всё это приводит к поляризации общества, росту социальной напряженности и маргинализации экономически активного населения.

Отнюдь не все люди в этих условиях нашли эффективные способы адаптации. Число так называемых "прогрессивных адаптантов" не превышает 1/5 часть населения. Подавляющая часть приходится на "регрессивных адаптантов" (30-60%) и "регрессивных НЕадаптантов" (20 — 50%)²⁶.

Как показывают социологические опросы, наиболее значимым для большинства респондентов, в настоящее время, является возможность улучшить материальное положение семьи, дать хорошее образование детям, работать по специальности, улучшить жилищные условия. **Прогрессивные респонденты**, однако, при этом больше полагаются на самих себя и выше оценивают такие права, как создание собственного дела, свобода передвижения и отстаивание собственных взглядов. **Регрессивные адаптанты и НЕадаптанты гораздо выше оценивают обеспечиваемые государством гарантии занятости, дохода, своевременности выплаты заработной платы, бесплатного образования и бесплатной медицинской помощи** (подробнее см. гл. 3 настоящей монографии).

Всё это приводит к усилению социального неравенства и поляризации общества. Хотя данные Госкомстата занижают степень неравенства в нашей стране (что связано с несовершенством системы сбора данных, которая не в полной мере учитывает такие факторы, как масштабы теневого сектора, неденежные доходы и др.²⁷), тем не менее, они показывают устойчивую тенденцию к поляризации общества.

В таблице 8 приведены данные о распределении общего объема денежных доходов населения России в 1991 - 1999 гг. Они свидетельствуют о том, что для первой половины 90-х годов была характерна тенденция к усилению неравенства. Доля беднейшей группы населения (I квинтиль) за четыре года уменьшилась в 2 раза, а доля богатейшей (V квинтиль) возросла более чем в 1,5 раза. В результате увеличился разрыв между ними. Если в 1991 г. доходы V квинтиля превышали доходы I квинтиля примерно в 3 раза (30,7% по сравнению с 11,9%), то в 1999 г. — почти в 8 раз (49,1% против 6,2%). Еще больший разрыв наблюдается, если использовать при анализе децильные (10-процентные) группы. В результате индекс Джини возрос с 0,260 в 1991 г. до 0,375 в 1997 г., т. е. почти в 1,5 раза.

Таблица 8

**Распределение денежных доходов населения России
в 1991-1999 гг.**

²⁵ Одним из первых на регрессивный характер радикальных экономических реформ в России 1990-х гг. обратил внимание М. Олсон: *Olson M. Why Is Economic Performance Even Worse After Communism Is Abandoned?* Fairfax, Virginia, 1993.

²⁶ Подробнее см.: *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ. 2000. С. 268-282.

²⁷ Общеизвестно, например, что высокие доходы, как правило, укрываются от налогов. К тому же Госкомстат определяет неравенство на основе статистики доходов, а не расходов населения, как пытаются определить неравенство эксперты Мирового Банка. Неудивительно, что расчеты Мирового Банка оказываются нередко более реалистичными.

Денежные доходы населения	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999 (9 мес.)	Справочно: США, 1999
По квнтильным группам										
Первая	11,9	6,0	5,8	5,3	5,5	6,2	6,0	6,2	6,2	4,7
Вторая	15,8	11,6	11,1	10,2	10,2	10,7	10,2	10,5	10,4	11,0
Третья	18,8	17,6	16,7	15,2	15,0	15,2	14,8	14,9	14,4	17,4
Четвертая	22,8	26,5	24,8	23,0	22,4	21,5	21,6	21,0	19,9	25,0
Пятая	30,7	38,3	41,6	46,3	46,9	46,4	47,4	47,4	49,1	41,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Обзор экономической политики в России за 1999 г. М., 2000 . С. 67.

Проиллюстрируем графиком ситуацию, сложившуюся в России в 90-е годы (рис. 3). Легко заметить, что произошел значительный сдвиг кривой Лоренца вправо, в сторону усиления дифференциации доходов. И это стало закономерным результатом высоких темпов инфляции и падения производства. Наиболее быстрыми темпами неравенство росло в первой половине 90-х годов. С 1995 года наступил период временной стабилизации этого процесса. Однако после 17 августа 1998 г. процесс углубления неравенства возобновился.

"Экономика физических лиц". Так как в процессе приватизации большая часть государственной собственности перешла не к аутсайдерам, а к инсайдерам, то в России не возникло эффективного частного собственника, что в значительной степени предопределило инерционность традиционной экономической системы, её медленные темпы и мучительные формы перехода к рыночной экономике. Этим предопределяются и внутренние причины глубокого трансформационного спада при переходе от командной экономики к рыночному хозяйству.

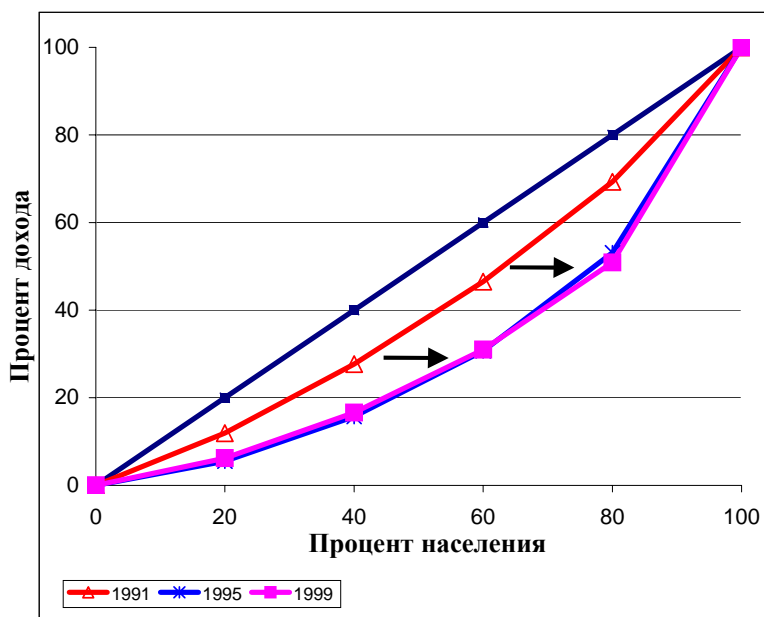

Рис. 3. Сдвиг кривой Лоренца в России с 1991 по 1999 год

Источник: По данным Госкомстата.

Происходит резкое старение основных производственных фондов России. Износ основных фондов промышленности превысил в 1997 году 50%. По расчетам А.В. Алексева, средний возраст оборудования достиг 15,9 лет и если положение не изменится, то средний фактический срок службы его будет составлять почти 32 года (см. табл. 9).

Большинство предприятий не имеют долгосрочных планов развития производства и даже конкретных бизнес-планов по привлечению инвестиций, в которых остро нуждаются. Отсутствие стратегии поиска эффективных партнеров приводит к тому, что для многих предприятий типична адаптация, а не трансформация традиционных форм, приспособление – а не развитие производства, защита – а не наступление. Отсюда следует неэффективная маркетинговая политика большинства предприятий, стремящихся, даже в условиях благоприятной конъюнктуры, к продвижению традиционной продукции на традиционном рынке. Однако эта продукция

не всегда находит сбыт, и поэтому возникает бартер как форма существования неэффективной экономики. В целом в деятельности фирм *краткосрочный аспект преобладает над долгосрочным, а мотив личного обогащения новых владельцев доминирует над целями развития производства.*

Таблица 9

Основные фонды промышленности

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Наличие основных фондов на начало года; по балансовой стоимости, млрд. руб.	0,7	17,4	490,9	1805,8	4802,5	4480,8*	
Износ основных фондов, в процентах от общей стоимости фондов на конец года	45,9	49,3	47,9	47,9	40,9	50,5	
К-т обновления (ввод в действие основных фондов, в процентах от общей стоимости фондов на конец года, в сопоставимых ценах)	2,8	1,8	1,7	1,6	1,3	1,3	0,7
К-т выбытия (ликвидация основных фондов, в процентах от общей стоимости фондов на начало года, в сопоставимых ценах)	2,8	1,0	1,8	1,5	1,3	1,2	
Средний возраст оборудования, лет (**)	10,8 (***)			14,1		15,9	
Средний фактический срок службы оборудования, лет (**)	21,9 (***)			28,6		31,8	

* Без учета переоценки на 1 января 1997 г.

Источник: Россия в цифрах. М., 1998. С. 178;

(**) *Водянов А.* Ржавая пружина // Эксперт. 1999, 14 июня., N22. С. 20.

(***) – 1990 г.

Источник: Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2000. С. 100.

В условиях неразвитой банковской системы возникает своеобразная проблема двух дефицитов — дефицита сбережений и дефицита платежного баланса. Дефицит сбережений связан с тем, что уровень сбережений, доступных для промышленности, гораздо меньше, чем объем инвестиций, необходимых для развития производства. Уровень сбережений, мобилизуемых банковской системой, находится на чрезвычайно низком уровне в силу падения доверия населения к существующим финансовым институтам. Это приводит к тому, что высокая склонность к сбережениям реализуется каждым индивидуально, главным образом в форме накопления иностранной валюты, недвижимости и других неликвидных форм, не аккумулируемых финансовыми учреждениями. В этих условиях единственным источником накопления становятся иностранные займы, что приводит к платежному дефициту. На поверхности виден лишь процесс ввоза иностранного ссудного капитала в Россию, тогда как глубинные процессы вывоза капитала из России осуществляются в значительной мере нелегально и не фиксируются официальной статистикой. Возникает порочный круг, своего рода институциональная ловушка: чем больше средств необходимо для покрытия дефицита текущего платежного баланса, тем больше необходимы внешние займы для покрытия платежного дефицита. Однако чем больше внешние займы, тем большие платежные дефициты нас ожидают в будущем, тем в большую зависимость попадает страна от зарубежного капитала.

С еще более острыми проблемами столкнулись аграрные предприятия. Если раньше в аграрной сфере ключевыми экономическими агентами были коллективные хозяйства (колхозы и совхозы), то в настоящее время резко возросла роль сельской администрации и домохозяйств, стали набирать силу не связанные с колхозами товаропроизводители. Всё это создает предпосылки для формирования в перспективе новых экономических субъектов, институциональных предпосылок для развития рынка. Однако в настоящее время мы имеем не столько плюсы, сколько минусы переходного периода, когда те, кто получил власть, ещё не имеют достаточно количества материальных и финансовых ресурсов, а те, кто имеют материальные ресурсы, потеряли уже значительную часть власти. Поскольку процесс перестройки институтов в аграрной сфере не завершен, отсутствует надежная частная собственность, существует обилие переходных форм, многие из которых в экономическом плане являются неэффективными. Всё это способствует возникновению и развитию в аграрной сфере *псевдорыночных форм.*

Положение ухудшается из-за того, что государство не имеет эффективной индустриальной политики, которая бы поддерживала ростки нового и эффективного, создавала бы благоприятные условия для экономического роста. Наоборот, деятельность современного российского государства заставляет вспомнить эпоху мер-

кантилизма. Российское государство занимается главным образом *функциями перераспределения*, причем такого, *которое не благоприятствует развитию производства, а тормозит его*, так как стремится перераспределить имеющиеся ресурсы от лучше хозяйствующих предприятий к худшим. За счет первых не только собираются налоги, но и происходит дотирование неэффективных предприятий, которые налоги, как правило, не платят. Всё это приводит к сокращению эффективно хозяйствующих производств, подталкивая предприятия к расширению нелегальной хозяйственной деятельности.

2.2 Нелегальный сектор: ростки новых отношений под грудой развалин

Поскольку бюрократическое регулирование наиболее велико в развивающихся и переходных экономиках, то именно в этих странах масштабы теневой экономической деятельности оказываются наиболее громадными (см. табл. 10).

Таблица 10

Средние масштабы теневой экономики по трем типам стран, 1989–1993 гг., в % от ВВП

Типы стран	Масштабы теневой экономики
Развивающиеся страны	
Африка	43.9
Центральная и Южная Америка	38.9
Азия	35.0
Страны с переходной экономикой	
Бывший СССР	25.7
Восточная Европа	20.7
Страны ОЭСР	
Оценка по методу анализа энергопотребления	15.4
Оценка по методу анализа спроса на деньги	12.9

Источник: *Schneider F., Enste D. Increasing Shadow Economies All Over the World – Fiction or Reality? A Survey of the Global Evidence of their Size and of their Impact from 1970 to 1995.* Эта статья подготовлена во время визита Ф. Шнайнера в МВФ в 1998 г., ее текст находится в Интернете по адресу: <http://www.economics.uni-linz.ac.at/Members/Schneider/EnstSchn98.html>.

Кто виноват? Ситуация, описанная перуанским экономистом Эрнандо де Сото в книге "Иной путь. Невидимая революция в третьем мире", как две капли воды похожа на процессы, происходящие в современной России.

Э. де Сото в своей книге предлагает оригинальную классификацию транзакционных издержек на основе критерия "легальность – нелегальность" (см. табл. 11).

Первая их группа – **"цена подчинения закону"**, т.е. издержки законопослушного поведения. Предприниматель в легальном бизнесе должен нести единовременные "издержки доступа", связанные с получением права заниматься определенным видом экономической деятельности. Получив официальную санкцию на свой бизнес, он должен постоянно нести издержки "продолжения деятельности в рамках закона": платить налоги и социальные платежи, подчиняться бюрократической регламентации производственных стандартов, соблюдать обязательные нормы при руководстве персоналом, нести потери из-за неэффективности судопроизводства при разрешении конфликтов или взыскании долгов.

Таблица 11

Сравнительный анализ издержек в легальном и внезаконном секторах экономики

Цена подчинения закону	Цена внезаконности
Издержки первичной легализации	Издержки, связанные с уклонением от наказаний (легальных санкций)
Издержки легального бизнеса	Издержки, связанные с трансфертом чистых доходов
	Издержки, связанные с уклонением от налогов и нарушением законов о труде
	Издержки, связанные с отсутствием легально зафиксированных прав собственности
	Издержки, связанные с невозможностью использования контрактной системы
	Издержки, связанные с исключительно двусторонним характером нелегальной сделки

Источник: Э. де Сото. Иной путь. С. 176 – 215; Олейник А. Институциональная экономика. Тема 6. Внелегальная экономика // Вопросы экономики. 1999. № 6. С. 143.

Делая выбор в пользу нелегальной организации, предприниматель избавляется от "цены подчинения закону", но зато вынужден оплачивать "**цену внезаконности**". В эту вторую группу транзакционных издержек входят "цена уклонения от легальных санкций" (риск поимки и наказания частично снижается взятками как особой формой страхования), издержки, связанные с трансфертом доходов, повышенные ставки на теневом рынке капиталов, невозможность участвовать в наукоемких и капиталоемких областях производства, относительно слабая защищенность прав собственности, "цена невозможности использовать контрактную систему" (опасность нарушения деловых обязательств) и недостаточная эффективность внеконтрактного права.

Отсутствие легально зафиксированных прав собственности приводит к неэффективному хранению и использованию внелегалами своих ресурсов. К тому же они не могут свободно отчуждать свою собственность или использовать её в качестве залога. Их коллективные организации, к сожалению, неспособны полностью компенсировать отсутствие легальных прав собственности. Неудивительно поэтому, что "внелегальные поселения, рынки, промышленные мастерские оставляют впечатление недостроенности. Дома незавершенны, строительные материалы свалены на тротуарах, оборудование не укомплектовано. Кое-кому может показаться,

— пишет Э. де Сото, — что таково следствие врожденной лени перуанцев, но это не так. Просто теневикам выгоднее накапливать средства в виде материалов, а не в деньгах, из-за чего финансовая система не работает"²⁸.

Возникает своего рода порочный круг: рост теневого сектора приводит к сокращению легального. Однако при сохранении уровня общественных расходов это означает необходимость увеличения налогов на легальный бизнес, что приводит к растущей привлекательности теневого сектора и т.д. (см. рис. 4). Налоги на легальную деятельность распространяются на крупный и крупнейший легальный бизнес. Для них скрыть деятельность от налоговой инспекции государства невозможно. Однако поскольку этот сектор является основным источником доходов государства, он, используя политическое лобби, стремится уменьшить налоговое бремя, добиться для себя различных экономических привилегий и налоговых льгот. Если эта тактика приводит к успеху, то происходит ограничение конкуренции и создается искусственная среда для функционирования легального сектора. Таким образом, увеличение налогов приводит к снижению эффективности легального сектора и ещё больше увеличивает разрыв между ним и конкурентной теневой экономикой (см. рис. 5).

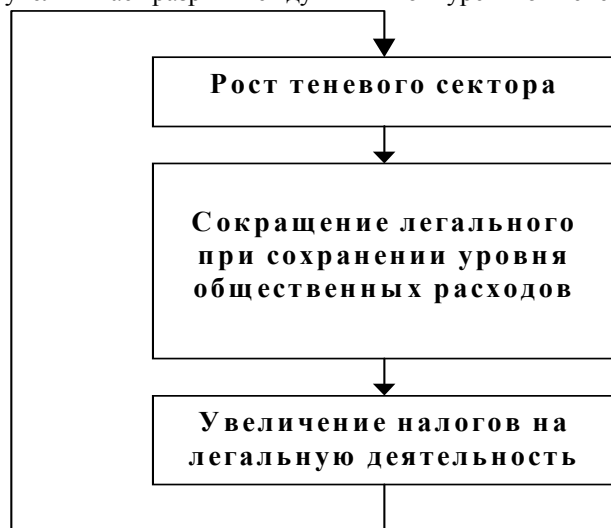

Рис. 4. Порочный круг внезаконности

Составлено по: Э. де Сото. Иной путь. С. 219.

²⁸ См.: Э. де Сото. Иной путь. М., 1995. С. 196.

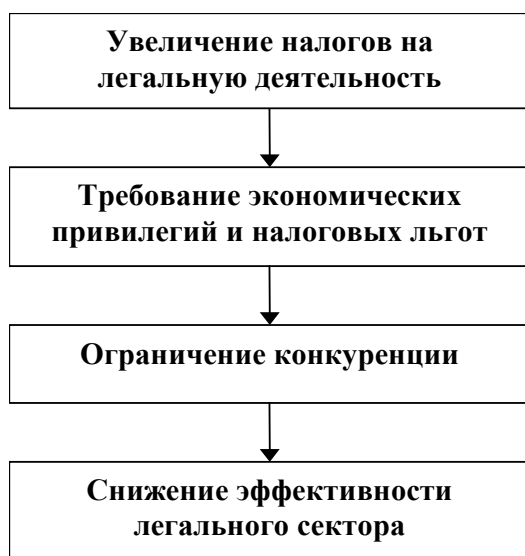

Рис. 5. Последствия порочного круга внезаконности

Составлено по: Э. де Сото. Иной путь. С. 219.

В России гораздо сложнее выделить чисто легальный и чисто нелегальный сектора экономики, они сильно переплетены. Однако это не избавляет нас от необходимости исследовать эти процессы в чистом виде, так как увеличение нелегальной деятельности сужает сферу легальной и наоборот.

Поэтому раскол общества на легальный и нелегальный бизнес "оказывает негативное воздействие на экономику в целом, выражающееся в снижении производительности, сокращении инвестиций, неэффективности налоговой системы, удорожании коммунальных услуг, замедлении технического прогресса и многочисленных трудностях в формулировании макроэкономической политики"²⁹, и отнюдь не освобождает общество от необходимости совершенствования институциональной структуры.

Эрнандо де Сото проводит различие между хорошими и плохими законами. "Хороший закон, — пишет он, — гарантирует и повышает эффективность экономики и общественной деятельности, им регулируемой, а плохой разрушает или полностью ликвидирует и то, и другое"³⁰. То, что значительное большинство населения выбрало теневой сектор, а меньшинство использует свой капитал за пределами страны, наглядно свидетельствует о том, что законы, господствующие в ней, — плохие.

Почему же в России господствуют плохие законы? Дело в том, что правительство занято, главным образом, перераспределением имеющихся доходов, а не созданием нового богатства. Поэтому лучшие умы страны и энергия предпринимателей расходуются не на достижение реального прогресса, а на ведение перераспределительных войн. В результате оказывается, что нет равенства людей перед законом, потому что для одних законы сулят привилегии, а другим они не доступны. Между тем "развитие возможно лишь в том случае если действенные правовые институты достижимы для каждого гражданина"³¹.

Большинство законов государства принимаются органами исполнительной власти с нарушением и в обход элементарных демократических процедур и публикуются в такой печати, которую никто никогда не читает. "Процедуры эти зависят от каждого министра" и при смене начальства изменяются вновь и вновь. "Наши законы нестабильны и непредсказуемы, ибо зависят от того, кто выиграл перераспределительную войну"³². В стране, где закон можно купить, где можно быть щедрым за чужой счет, пышным цветом расцветает коррупция. Чем обширнее система регулирования и контроля, тем на более низкие ступени перемещается принятие решений и реальная возможность активно воздействовать на механизмы перераспределения. Поэтому власть становится исключительным достоянием самых мелких бюрократов, не брезгающих ничем. "В силу правовой и политической традиции, наши правители, даже демократически избранные, получают абсолютную власть над экономической и социальной деятельностью и невозможно вообразить какие-то права собственности или контракты, которые государство не может произвольно нарушить. ... Практически во всех случаях отсутствует механизм эффективной защиты прав большинства граждан от государства"³³.

Характерно, что это типично и для правых и для левых политических партий. И те, и другие способствуют экспансии государственной деятельности и непосредственно вмешиваются в экономику. И левые, и правые делают это при помощи плохих законов. И те, и другие видят причину неудач не в отсутствии институциональных условий развития экономики и производства реального богатства, а в недееспособности принятых ими (плохих!) законов. И левые, и правые фактически способствуют не развитию рыночной экономики, а её дискредитации в глазах большинства населения. "Предпринимательские ресурсы страны могут проявиться лишь

²⁹ Там же. С. 216.

³⁰ Там же. С. 227.

³¹ Там же. С. 233.

³² Там же. С. 245, 247.

³³ Там же. С. 290, 291.

тогда, когда это позволяют господствующие институты, – пишет Э. де Сото. – Достаточно взглянуть на перуанцев, обреченных в своей стране на бедность и прозябание, но достигающих успеха в других странах, где их деятельность ограждена соответствующими институтами³⁴.

Что делать? Нетрудно заметить, что российские экономические проблемы, в сущности, не так уж далеки от тех, которые приходится решать в латиноамериканских странах. Рост нелегального сектора воспринимается многими односторонне – лишь как деградация национальной экономики. Однако, как показывает опыт развития, наша страна страдает не столько от чрезмерного, сколько от недостаточного развития рыночных отношений. В таком случае в развитии теневого бизнеса следует видеть признаки не только болезни, но и начала выздоровления. Что же нужно сделать? С точки зрения Э. де Сото, необходимо приблизить правовую систему к действительности. Для этого необходимо решить институциональные проблемы, как в настоящем, так и в будущем.

Для настоящего наиболее актуальным является ликвидация препятствий, мешающих интеграции легального и теневого секторов, создание единой правовой и экономической системы, исключая дискриминацию. Это предполагает три меры:

- **упрощение**, т.е. оптимизация функционирования правовых институтов путем устранения дублирующих и ненужных законов;
- **децентрализация**, т.е. передача законодательной и административной ответственности от центрального к региональным правительствам, с тем чтобы приблизить власти к реальной жизни и насущным проблемам;
- **дерегулирование**, т.е. рост ответственности и возможностей для частных лиц и сужение их для государства.

Для будущего необходимо изменить сами процедуры принятия новых законов, с тем чтобы не повторять ошибки прошлого. Это предполагает:

- **публикацию законопроектов** для их свободного обсуждения;
- **анализ законопроектов в терминах "издержки выгоды"**, с тем чтобы оказать дисциплинирующее воздействие на правительство и отвергнуть несовершенные законопроекты ещё до их публикации;

Только при таких условиях "люди почувствуют вкус к независимости и поверят в плодотворность своих усилий", т.е. "смогут поверить в себя и в экономическую свободу"³⁵.

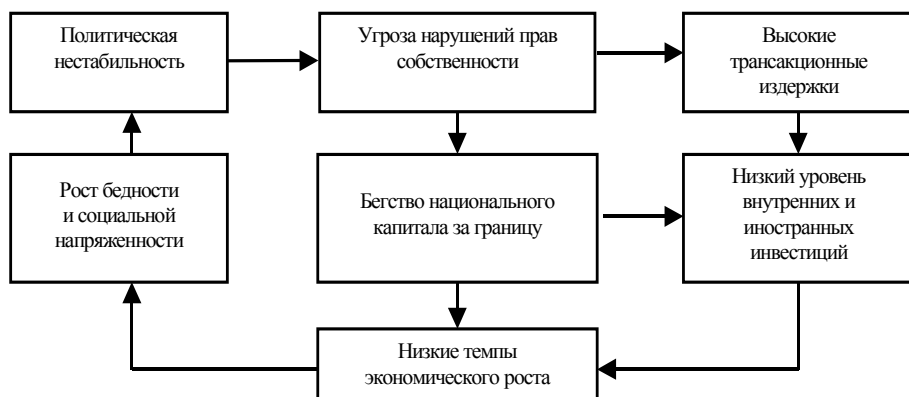

Рис. 6. Взаимосвязь политической и экономической нестабильности

Однако в современной России к порочным кругам в экономике добавляются порочные круги политической нестабильности. В условиях нестабильного политического режима высока опасность нарушения прав собственности, национализации частных предприятий, ограничения вывоза прибылей и т.д. Всё это резко повышает транзакционные издержки. Угроза экспроприации в случае прихода к власти крайне левых (или правых) партий, а также высокие транзакционные издержки не благоприятствуют привлечению в страну иностранных инвестиций, с одной стороны, и увеличивают бегство национального капитала за границу, с другой. Низкие темпы сбережения отражаются на низких темпах инвестирования, что приводит к стагнации или даже падению национального производства, высокому уровню инфляции, что, кроме всего прочего, способствует росту маргиналов и усилению социальной напряженности. Рост бедности и обострение социальных конфликтов, в свою очередь, создает благоприятную почву для популяризации идей крайне левых (или правых) группировок, а это создает угрозу резких политических изменений, со всеми вытекающими из них негативными последствиями (см. рис. 6).

³⁴ Там же. С. 300.

³⁵ Там же. С. 317.

Сложность ситуации заключается также и в том, что негативные количественные изменения, накапливаясь, переходят в новое качественное состояние. Возникают так называемые "институциональные ловушки", приводящие к тому, что дальнейшее развитие начинает идти не в сторону рынка, а в направлении к псевдорыночным формам и *воспроизводству неотрадиционных отношений*³⁶.

Какие же следует сделать выводы? Нам необходимо понимание, какую систему экономических связей мы хотим создать, какие инструменты проведения реформ можно использовать в конкретных условиях современной России. Таким образом, общество предъявляет экономистам социальный заказ на разработку *российской модели смешанной экономики*. Создать такую модель можно только при ясном понимании ее сходства и отличия от других моделей развития экономики. При этом важно не совершить ошибку, противоположную первоначальной, — не преувеличить степени отличия российского хозяйства от зарубежных моделей.

Необходимо четко понимать, что надежды построить преуспевающую рыночную экономику за ближайшие "500 дней" есть бесполезная и вредная иллюзия. Рыночная модернизация экономики России – длительный процесс, и нам надо найти в себе мужество научиться жить самим и научить других жить в этих непростых условиях. В связи с этим резко возрастает роль экономического образования вообще, и экономической науки в частности.

Идеи теорий развития представляют огромную ценность для современной России. Особенно это относится к институциональным концепциям, которые в нашей стране пока еще слабо известны не только широкой общественности, но даже специалистам. В связи с этим первостепенной задачей экономистов должны стать их изучение и максимальная популяризация.

Вместо подготовки изданий на русском языке все новых и новых типовых учебников по микро- и макроэкономике с математическими моделями (формально верными, но совершенно не связанными с российскими реалиями), надо обратить первостепенное внимание на работы по теории и практике рыночной модернизации, обобщающие реальный опыт стран Восточной Европы, Азии, Африки и особенно Латинской Америки со всеми его достоинствами и недостатками.

Далее, необходима реорганизация системы преподавания экономической теории – усиление в ней не формально-математических, а институционально-компаративистских начал.

Таким образом, мы предлагаем следующую программу:

1. Пересмотреть существующие учебные планы с целью разумного сокращения тех курсов, которые плохо связаны с реальными проблемами современной российской экономики.
2. Ввести в качестве обязательных новые курсы по сравнительному анализу экономических систем, экономике развития, моделированию постсоветской экономики, анализу теневой экономической деятельности, институтам современного российского рынка, институциональному анализу экономических субъектов современной России, институциональному проектированию экономики, истории реформ в России XX века.
3. Сменить ориентиры переводческой деятельности – перейти от размножения зарубежных учебников по микро- и макроэкономике к изданию оригинальных научных монографий и специальных курсов по экономике России.
4. Самое главное – переориентировать научную работу, нацелив её прежде всего на практический поиск эффективных институтов для России XXI века.

Только такая активная программа дает нам шансы догнать, наконец, хотя и отнюдь не сразу, страны первого эшелона. В противном случае России придется понуро "брести по шпалам", с завистью взирая на ушедшие вперед и проносящиеся мимо "поезда" других, более энергичных стран.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Алексеев Алексей Вениаминович, кандидат экономических наук

Институт экономики и Организации Промышленного Производства СО РАН, старший научный сотрудник

Область научных интересов: институциональные факторы роста, инвестиционная политика, долгосрочные тенденции российского экономического роста, проблемы промышленного развития, управление предприятием

E-mail: avale@mail.ru

Балабанова Евгения Сергеевна, кандидат социологических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского. Факультет социальных наук. Кафедра общей социологии и социальной работы, старший преподаватель

Область научных интересов: Экономическая социология, социальная политика, гендерная социология

E-mail: balhome@unn.ac.ru

Герцог Игорь Федорович, кандидат экономических наук

Новосибирский государственный университет. Кафедра теоретической экономики, преподаватель

Область научных интересов: Институциональные реформы; стратегическое планирование и управление компаниями; экономика промышленного производства

E-mail: Igerts@yahoo.com

³⁶ Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. Вып.2. (<http://www.cemi.rssi.ru/publicat/e-pubs/ep99001.zip>).

Дементьев Андрей Викторович

Государственный Университет - Высшая Школа Экономики, преподаватель
Область научных интересов: Теория реформ, институциональная экономика
E-mail: etheory@hse.ru; dementan@hotmail.com

Демин Андрей Николаевич, кандидат психологических наук

Кубанский государственный университет. Кафедра психологии, доцент
Область научных интересов: Социология и психология занятости, адаптация человека к социальным изменениям
E-mail: demin@manag.kubsu.ru

Дондиков Зорикто Бато-Дугарович, доктор экономических наук

Восточно-Сибирский государственный технологический университет, доцент
Область научных интересов: Методологические проблемы экономической теории; межбюджетные отношения; моделирование экономических процессов; региональная экономика
E-mail: dondokov@buryatia.ru

Дондикова Ирина Викторовна, кандидат социологических наук

Восточно-Сибирский государственный технологический университет, и.о. доцента кафедры “Менеджмент и маркетинг”
Область научных интересов: управление социальными процессами на рынке труда; проблемы социальной адаптации на селе; региональные аспекты социальной политики
E-mail: dondokov@buryatia.ru

Ермишина Анна Вениаминовна, кандидат экономических наук

Ростовский государственный университет, экономический факультет, кафедра экономики и предпринимательства, старший преподаватель
E-mail: ann-ermishina@mail.ru

Кравченко Наталия Александровна, доктор экономических наук

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, старший научный сотрудник
Область научных интересов: Модели поведения субъектов рынка; формирование рыночных институтов в инвестиционной сфере; функции государства в переходной экономике
E-mail: nkrav@ieie.nsc.ru

Латов Юрий Валериевич, кандидат экономических наук

Тульский филиал Юридического института МВД России, доцент
Область научных интересов: Теория экономических систем, экономическая история, история экономических учений, экономика права, экономика преступности, неформальная экономика, экономическая ментальность
E-mail: latov@mail.ru

Латова Наталия Валериевна

Институт социологии РАН, Центр конфликтологии РАН, научный сотрудник, аспирант
Область научных интересов: этносоциология, этнопсихология, экономическая ментальность, межэтнические конфликты.
E-mail: natali73@online.ru или natali8355@mtu-net.ru

Малкина Марина Юрьевна, доктор экономических наук

Нижегородский институт менеджмента и бизнеса, доцент
Область научных интересов: Экономическая политика переходного периода, макроэкономическая стабилизация, финансовая стабилизация, финансовые рынки
E-mail: mmalkina@osi.nnov.ru

Миляева Лариса Григорьевна, кандидат технических наук

Бийский технологический институт Алтайского государственного технического университета. Кафедра "Экономика предпринимательства", профессор
Область научных интересов: Занятость и рынок труда; социальное партнерство; конверсия и диверсификация
E-mail: wc@bti.secna.ru

Нуреев Рустем Махмутович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

Государственный университет – Высшая школа экономики. Заведующий кафедрой экономической теории.
Область научных интересов: прикладная микроэкономика, теоретические основы современного общественного выбора в России, теория прав собственности, институциональные факторы в переходной экономике, экономика развития, сравнительный анализ экономических систем
E-mail: etheory@hse.ru; nureev@hse.ru

Петрова Лариса Евгеньевна, кандидат социологических наук

Уральский государственный педагогический университет, доцент

Область научных интересов: Совладание с жизненными трудностями. Социальное самочувствие; профсоюзное движение: старые и новые профсоюзы; методология и методика социологических исследований; социальная адаптация
E-mail: Lara@mail.utnet.ru

Попова Ирина Петровна, кандидат социологических наук
Редакция журнала "Социологические исследования", Научный редактор
Область научных интересов: Социология социальной структуры, концепция маргинальности
E-mail: socis@isras.rssi.ru

Розманнский Иван Вадимович, кандидат экономических наук
Санкт-Петербургский филиал Государственного университета - Высшей школы экономики, старший преподаватель
Область научных интересов: макроэкономическая динамика, экономика переходного периода, институты и рынки
E-mail: irozmain@mail.ru

Рунов Антон Борисович
Государственный Университет Высшая Школа Экономики, аспирант
Область научных интересов: Институциональная экономика, теория организации, теория фирмы
E-mail: runov26@mail.ru

Темницкий Александр Лазаревич, кандидат социологических наук
Институт социологии РАН, научный сотрудник
Область научных интересов: трудовые отношения на предприятиях
E-mail: wad@sosio.msk.su

Черемисина Татьяна Петровна, кандидат экономических наук
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, старший научный сотрудник
Область научных интересов: Структура корпоративной собственности, модели корпоративного управления, корпоративная культура, доверие как фактор корпоративной культуры и управления
E-mail: cherem@ieie.nsc.ru

Шабанова Марина Андриановна, доктор экономических наук
Государственный Университет - Высшая Школа Экономики, профессор
Область научных интересов: Экономическая социология, общая социология (социология свободы, современный трансформационный процесс в России в контексте свободы, социальная адаптация и институционализация новых прав)

Шульгин Сергей Георгиевич
Государственный Университет - Высшая Школа Экономики, аспирант
Область научных интересов: Теории поиска политической ренты
E-mail: etheory@hse.ru